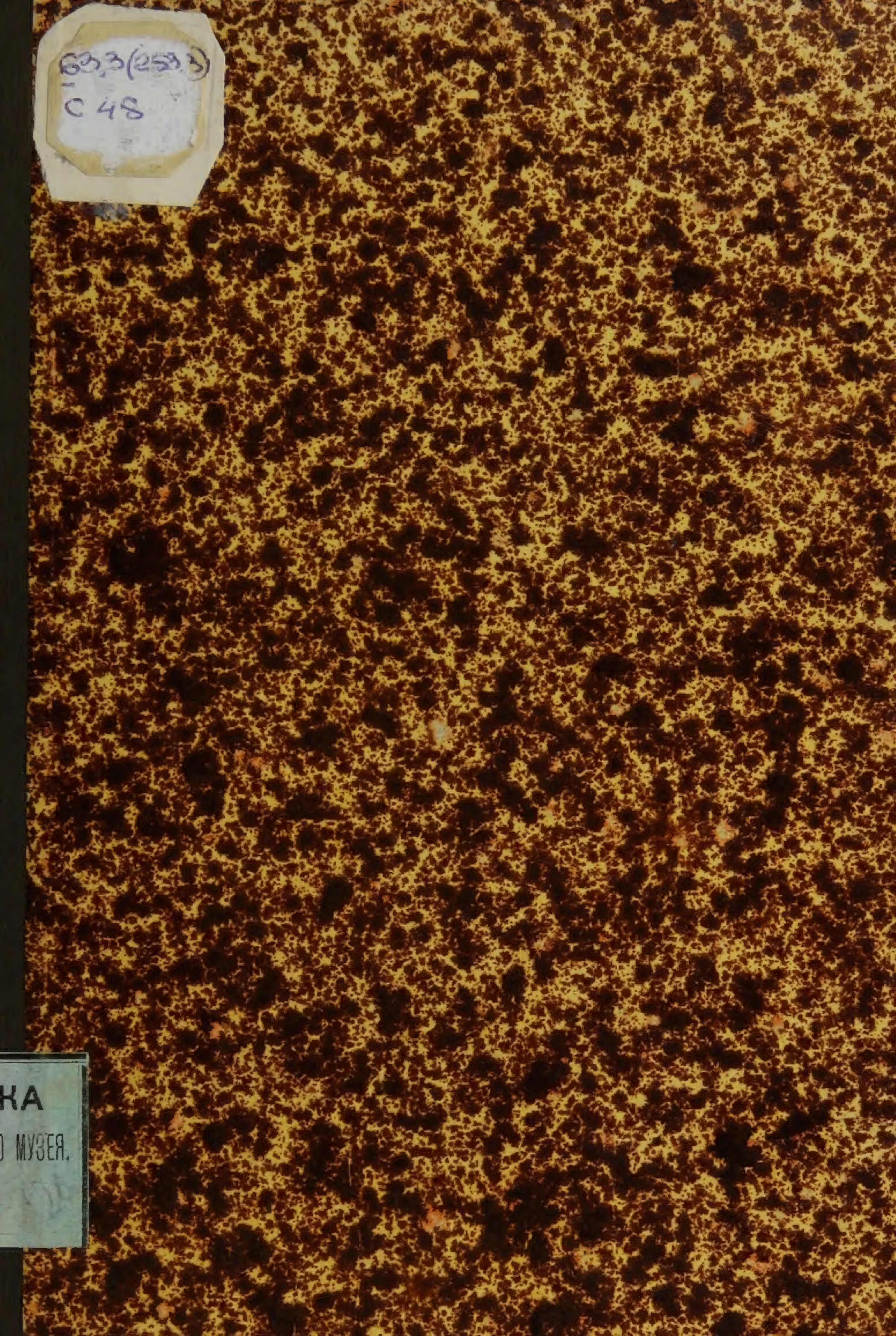
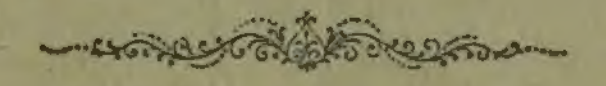

63.3(2Р53)
С 48
КА
МУЗЕЯ.

СТЕПАНЪ ИВАНОВИЧЪ ГУЛЯЕВЪ

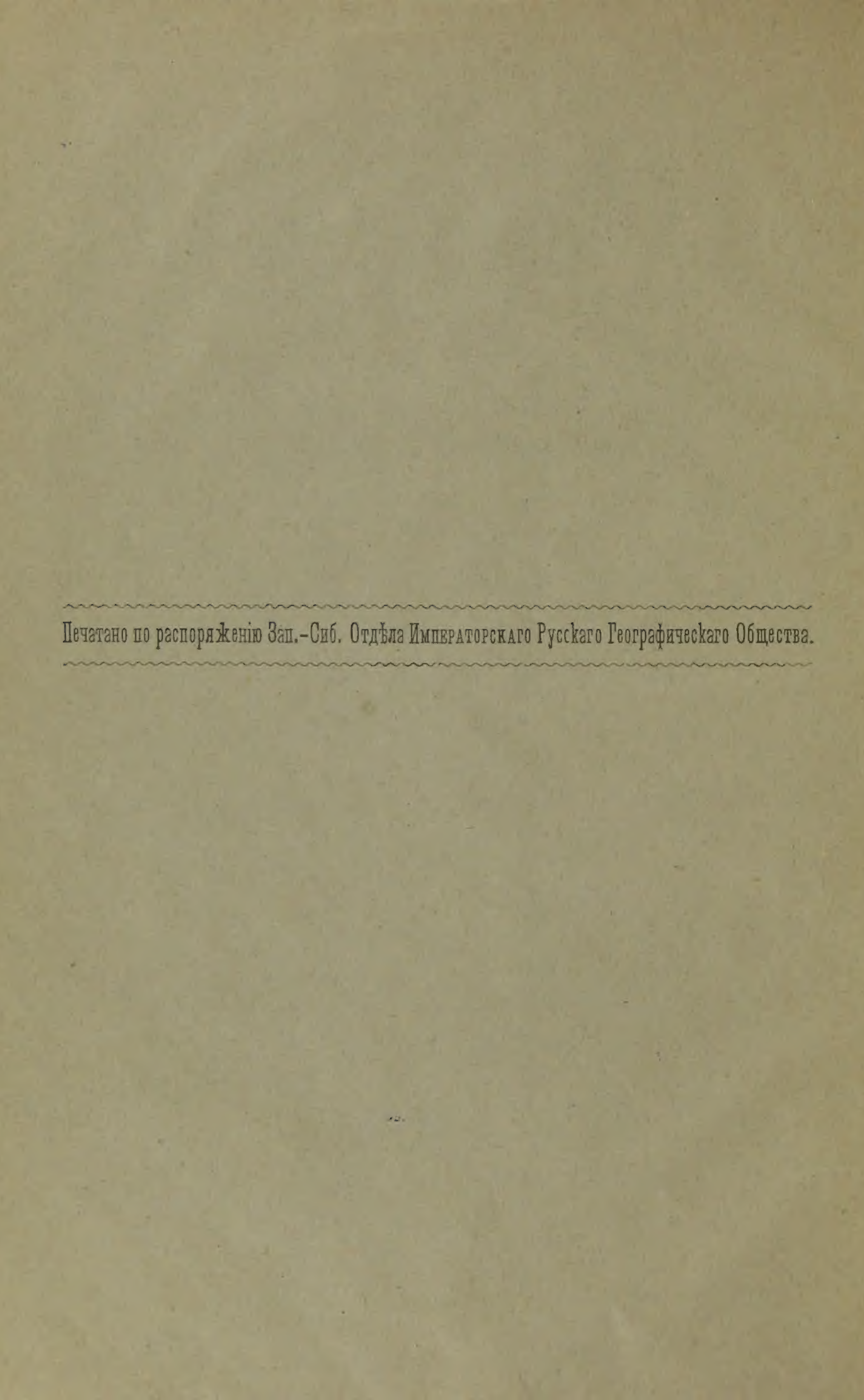
БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

сост.

И. Я. Словцовымъ.

ОМСКЪ.
Тип. Акм. Обл. Правл.
1891.

Печатано по распоряженію Зап.-Сиб. Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

СТЕПАНЪ ИВАНОВИЧЪ

ГУЛЯЕВЪ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

сост.

И. Я. Словцовымъ.

ОМСКЪ.
Тип. Акм. Обл. Правл.
1891.

Печатано по распоряженію Зап.-Сиб. Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

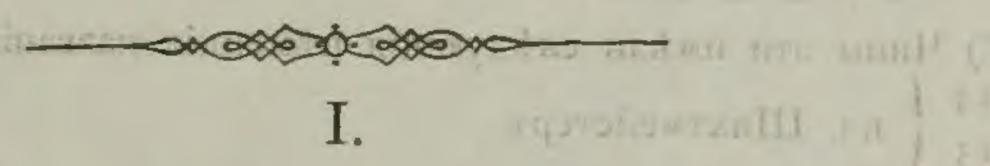
СТ. ИВ. ГУЛЯЕВЪ.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Закрѣпляя добрую память о людяхъ бронзой и мраморомъ,— хотя праху и не нужны монументы,—мы своею признательностью заслугамъ умершаго призываемъ грядущія поколѣнія къ подражательности въ исполненіи долга. Некрологъ и біографія, кромѣ того, открываютъ намъ поучительные итоги жизни, покончившей свои разсчеты съ земными благами. Жизнь - это битва, въ которой передовые бойцы прокладываютъ дорогу, слѣдомъ идетъ толпа: стадно не сознательно, она давитъ, тѣснитъ и топчетъ другъ друга. И вотъ здѣсь всякая индивидуальность, самобытность калѣчится гораздо скорѣе, чѣмъ въ переднихъ рядахъ застрѣльщиковъ. Здѣсь идетъ борьба тупая, безмолвная среди одуряющей атмосферы, въ непроглядномъ туманѣ, борьба почти безъ вѣроятія на побѣду.

Глубоко интересны біографіи передовыхъ двигателей общества, геніевъ, талантовъ, которые освѣщаютъ путь и ведутъ по этому пути къ истинѣ; но поучительны также біографіи и тѣхъ маленькихъ людей толпы, которые въ общей житейской сутолкѣ находили мужество въ своемъ безсиліи и, проживъ долгій вѣкъ, остались не искалѣченными, не затоптанными и сохранили въ себѣ святое чувство любви къ ближнему и восторженныя стремленья къ достиженію истины.

Къ этой категоріи людей принадлежитъ Степанъ Ивановичъ Гуляевъ.

I.

Предки Гуляевыхъ жили гдѣ-то въ одной изъ сѣверо-восточныхъ губерній, откуда, во время Петра Великаго или ранѣе, переселились на „Бѣловодье“, т.-е. вольный край, какъ называли южную Сибирь. Переселенцы уходили туда цѣлыми семействами, избирали мѣста, какія нравились, но вдалекѣ отъ воеводскихъ управленій и тогдашнихъ полицейскихъ властей. Удаляясь въ далекій неизвѣст-

ный край, они сохраняли обычаи своей родины, нравы, преданія отцовъ, великорусскій говоръ, который слышится нынѣ въ Новгородской, Костромской, Пермской и вообще въ сѣверовосточныхъ областяхъ.

Поводомъ къ переселенію была „хлѣбная скудость" на родинѣ, реформы Петра Великаго и сохраненіе старой вѣры бѣжавшими отъ соловецкаго погрома въ скиты, въ которыхъ и сожигались; но предки Гуляевыхъ были и на родинѣ и здѣсь православными.

По открытіи уральскимъ заводчикомъ Акинфіемъ Никитичемъ Демидовымъ въ южной Сибири мѣдныхъ и серебряныхъ рудниковъ и устройствѣ плавильныхъ заводовъ Колыванскаго, Барнаульскаго и Шульбинскаго, названныхъ Колыванскими, а потомъ, отъ церкви Воскресенія Христова,—Колывано-воскресенскими, всѣ зашедшіе въ тамошній край люди, называвшіеся вообще пришлыми, были Императрицею Елизаветою Петровною приписаны къ заводамъ для исправленія рудничныхъ и заводскихъ работъ за подушный окладъ, составлявшій тогда, съ оброкомъ, 1 руб. 73 коп. съ ревизской души, а дѣти, сыновья приписанныхъ къ заводамъ крестьянъ, съ ихъ потомками, стали, при рекрутскихъ наборахъ, поступать въ заводскіе мастеровые.

Такимъ образомъ изъ населенія образовались два вѣчныя крѣпостныя сословія: заводскіе крестьяне и мастеровые, существовавшіе до освобожденія всѣхъ крѣпостныхъ людей Императоромъ Александромъ II отъ обязательнаго труда въ 1866 году. Выхода изъ мастеровыхъ никуда не было кромѣ поступленія на службу и полученія офицерскаго чина *), который состоящему на горной службѣ приносилъ потомственное дворянство.

---

*) Чины эти имѣли слѣдующія нѣмецкія названія:

14, 13 кл. Шихтмейстеръ
12 кл. Берггешворенъ.
10 кл. Гиттенфервалтеръ.
9 кл. Макшейдеръ.
8 кл. Бергмейстеръ и Оберъ-гиттенфервалтеръ.
7 кл. Оберъ-Бергмейстеръ.
6 кл. Берггауптманъ.
5 кл. Оберъ-Берггауптманъ или Берггратъ.
4 кл. Оберъ-Берггауптманъ.
3 кл. тоже.

Нѣкоторые изъ мастеровыхъ занимались, съ разрѣшенія своего начальства, торговлею, но присвоенными купцамъ правами не пользовались, а въ случаѣ прекращенія торговли обращались опять въ прежнее сословіе, изъ котораго происходили; они были нѣсколько подобны въ этомъ отношеніи торгующимъ казакамъ въ донскомъ войскѣ. Дѣти-мальчики обучались въ горныхъ школахъ при заводскихъ селеніяхъ и главномъ Змѣиногорскомъ рудникѣ. Болѣе способные поступали въ главное горное училище въ Барнаулѣ, раздѣлявшееся на пять классовъ. Селенья приписанныхъ крестьянъ образовали обширный округъ, называемый теперь (съ 1830 года) Алтайскимъ, принадлежащій Кабинету Его Императорскаго Величества и никому, кромѣ Кабинета, не подвѣдомственный.

Сочтя нужнымъ разсказать вкратцѣ приведенныя выше замѣтки о родопроисхожденіи Гуляевыхъ, обращаюсь затѣмъ къ біографіи С. И.

Въ 1805 году въ селѣ Алейскомъ Алтайскаго горнаго округа у унтеръ-шихтмейстера Ивана Петровича Гуляева *) родился второй сынъ Степанъ. Званіе шихтмейстера равнялось подпрапорщичьему; унтеръ-шихтмейстеры носили офицерскій мундиръ и шпагу только безъ темляка, а при Павлѣ Петровичѣ косы и букли. Иванъ Петровичъ былъ высокій красивый мущина и ходилъ въ нѣмецкихъ камзолахъ. Мать С. И. Дарья Степановна, урожденная Бурнашева, дочь офицера донскаго войска, была энергичная, красивая и, — что тогда было на рѣдкость, — грамотная женщина. Она привила къ сыну религіозность, любовь къ порядку и развила любознательность. Обученіе грамотѣ трехъ братьевъ Гуляевыхъ Степы, Вани и Васи

---

*) Прапрадѣда С. И. звали Стахѣемъ или Стофѣемъ. Онъ остался въ Россіи, на родинѣ, но гдѣ именно — никакихъ свѣдѣній у потомковъ не сохранилось. Сынъ его, прадѣдъ С. И. Артамонъ Стахѣевичъ, вышелъ въ южную Сибирь около 1720-хъ годовъ. Прабабушку звали Евдокіей Ивановной; откуда она была родомъ неизвѣстно. Въ то время, когда С. И. уже начиналъ понимать видѣнное, это была слѣпая дряхлая старуха, постоянно лежавшая на кровати, въ особой комнаткѣ. Прадѣдъ Артамонъ Стахѣевичъ былъ тоже живъ и имѣлъ много лѣтъ. У Артамона Стахѣевича сыновей было трое: Петръ-дѣдъ С. И., Иванъ и Касьянъ, носившій имя Леонтія. Петръ Артамоновичъ былъ гиттенмейстеромъ (плавиленнымъ мастеромъ); чинъ этотъ соотвѣтствовалъ X кл. табели о рангахъ, но въ оный производили только поступавшихъ въ горную службу нѣмцевъ; русскихъ мастеровъ какъ-то обходили. Дѣдъ былъ роста нѣсколько выше средняго, коренастый, бѣлокурый мущина; былъ женатъ на Настасьѣ Ивановнѣ Сальниковой. У нихъ было только двое сыновей Иванъ (отецъ С. И.) и Николай. Иванъ Петровичъ состоялъ унтеръ-шихтмейстеромъ и женатъ былъ на Дарьѣ Степановнѣ Бурнашевой.

совершалось Дарьей Степановной обыкновенно въ кухнѣ во время стряпни. Она въ это время усаживала дѣтей за букварь и заставляла читать (букварь она знала наизусть), отрываясь отъ своихъ занятій только въ случаѣ непониманія, чтобы сдѣлать, гдѣ нужно, указанія. Въ другое время дня возиться съ дѣтьми Дарьѣ Степановнѣ было некогда. За постоянными отлучками мужа и свекра по дѣламъ горной службы на ея рукахъ лежало все полевое и домашнее хозяйство. Она занималась сѣнокосами, пашней, разведеніемъ овецъ, тканьемъ домашняго сукна и разнообразными рукодѣльями, которымъ она научилась въ Землѣ Войска Донскаго *). Степа выучился грамотѣ очень скоро и читалъ отлично. Вечерами Дарья Степановна любила разсказывать „бывальщины" о временахъ минувшихъ, а то, обладая отличнымъ голосомъ, устраивала вечеринки, на которыхъ пѣлось много народныхъ и обрядовыхъ пѣсенъ. Здѣсь развивалось у Степы чутье къ народнымъ напѣвамъ, здѣсь развилась любовь къ изученію обрядовой жизни русскаго народа: съ самаго ранняго дѣтства онъ заучивалъ и зналъ множество народныхъ напѣвовъ и пѣсенъ, которыя, какъ увидимъ ниже, онъ собралъ впослѣдствіи и издалъ въ видѣ отдѣльнаго сборника. Другомъ-пріятелемъ Степы былъ старикъ Трубачевъ. Это слѣпой скрипачъ, подъ музыку котораго устраивались деревенскія пляски. Такъ какъ хозяйство Гуляевыхъ было не подъ-силу одной женщинѣ, то Дарья Степановна устраивала временами „помочи", мужскія и женскія: женскія—для пряжи шерсти со своихъ овецъ и льну, мужскія—во время сѣнокосовъ и жатвы. Степѣ помочи эти доставляли величайшее наслажденіе: здѣсь онъ весь обращался въ созерцаніе и въ слухъ. Обыкновенно помочане и помочанки, по окончаніи работы,

---

*) Чрезъ Дарью Степановну Бурнашеву родъ Гуляевыхъ находится въ близкомъ родствѣ съ извѣстнымъ родомъ самоучки механика Кулибина.

Ст. Ив. Бурнашовъ

Дарья Степановна за Гуляевымъ	Тимофей Степановичъ Начальникъ Нерчинскихъ заводовъ	
Степанъ Ивановичъ Гуляевъ	Алексѣй Тимофеев. офицеръ, убитъ на Кавказѣ 1838 г.	Анна Тимофеевна за Алекс. Иванович. Кулибинымъ

Александръ Ивановичъ Кулибинъ, подполковникъ, сынъ Ивана Петровича Кулибина, нижегородскаго механика-самоучки.

возвращались домой, одѣвались въ цвѣтное платье и собирались у Гуляевыхъ. Здѣсь угощались за приготовленными столами, лѣтомъ— на дворѣ, а зимой – въ комнатахъ. Послѣ угощенья и ужина начиналась пляска подъ музыку, для чего къ скрипачу Трубачеву присоединялся иногда кто-нибудь съ балалайкой и стременомъ (треугольникомъ). Пляска смѣнялась круговыми и обрядовыми пѣснями и такъ продолжалось до утра. И вотъ не слышно, не замѣтно среди этихъ вечеринокъ въ Степѣ развивался будущій бытовой этнографъ. Онъ полюбилъ русскую пѣсню. Онъ тогда уже зналъ много народныхъ сибирскихъ и великорусскихъ напѣвовъ. Алтай, легендарное Бѣловодье, положилъ начало его привязанности къ привольной и свободной сельской народной жизни; здѣсь-же развилась его привязанность къ изученію сибирской природы.

Въ восемнадцати верстахъ отъ селенія Локтевскаго, близъ, такъ называемыхъ, „Злодарей“ или чудскихъ бугровъ (кургановъ), расположены были отцовскія пашни и сѣнокосы. Здѣсь Степа проводилъ съ матерью цѣлое лѣто. Вотъ эти „злодари“ не давали покоя Степѣ, и онъ приставалъ съ безконечными вопросами къ Дарьѣ Степановнѣ—не даромъ его звали почемужникомъ.—Матушка, а зачѣмъ эти „злодари“ засыпались въ землѣ?—Ну, засыпались, потому что рать Бѣлаго Царя пришла.—Пошто-же они не убѣгли и не воевали?—Трусливый народъ, видно, былъ, вотъ и засыпались въ землю.—Гдѣ-же у нихъ избы были?—Да гдѣ?—да они въ землѣ и жили, тамъ у нихъ всѣ сокровища скрыты. Вотъ, разсказываютъ, разъ въ такихъ буграхъ кладъ нашли, да разсыпался, не дается, значитъ, кто не зачурался. Пристанетъ кто-нибудь къ разговору и словоохотливая Дарья Степановна начнетъ свои неистощимые разсказы о временахъ минувшихъ. Дѣти заслушивались ими въ лѣтнія ночи отъ зари до зари.

Быстро пролетѣло время золотаго дѣтства. Двое братьевъ Степа и Ваня 3-го марта 1819 года были отправлены въ Барнаульское горное училище *) и жили у тетки, купеческой вдовы

---

*) Дѣти заводскихъ мастеровыхъ обучались сначала въ горныхъ школахъ при заводскихъ селеніяхъ и главномъ Змѣиногорскомъ рудникѣ. Болѣе способные поступали въ главное горное училище въ Барнаулѣ, которое раздѣлялось на 5 классовъ, въ которыхъ обучались 8 лѣтъ.

Степаниды Степановны Ефтиной. Степанида Степановна по своему характеру мало отличалась отъ Дарьи Степановны: она была также словоохотливая, также имѣла отличный голосъ и пѣла много народныхъ пѣсенъ. Степа обратился въ Степана Гуляева. Юноша слушалъ теперь утомительно скучныхъ учителей физики, химіи, ориктогнозіи, географіи, металлургіи, макшрейдерскаго искусства, алгебры, геометріи, логики, географіи, исторіи и языковъ французскаго и нѣмецкаго. Обучался онъ всѣмъ этимъ наукамъ съ отличнымъ успѣхомъ, особенно любилъ рисовальное искусство; но его тянетъ туда, гдѣ кипитъ народная жизнь, на просторъ сибирской деревни; для него въ русской пѣснѣ не въ-примѣръ болѣе логики, чѣмъ во всѣхъ учебникахъ этой науки, которые заучивалъ онъ въ заводской школѣ; а исторіи Дарьи Степановны не измѣримо выше Шрекковой исторіи. Онъ дѣлается ревностнымъ собирателемъ народныхъ былинъ, пѣсенъ, сказокъ, подмѣчаетъ варіанты русскихъ напѣвовъ, варіанты въ текстѣ; начинаетъ разбираться— какія пѣсни и напѣвы откуда занесены. Все это вноситъ въ свои записныя книжки, и все это, послѣ многихъ лѣтъ, онъ соединяетъ, сводитъ и издаетъ чрезъ О. И. Сенковскаго въ Отечественныхъ Запискахъ 1848 года въ №№ 9 и 19.

Учителями С. И. въ Барнаульской школѣ были слѣдующія лица: законоучитель, протоіерей Куртуковъ, физики, металлургіи и пробирнаго искусства—шихтмейстеръ 13 кл. Зубовъ, алгебры и геометріи—шихтмейстеръ Бухаревъ, языковъ нѣмецкаго и французскаго унтеръ-шихтмейстеръ Некрасовъ, ориктогнозіи и геогнозіи шихтмейстеръ Бистремъ.

По окончаніи курса въ Барнаульскомъ горнозаводскомъ училищѣ 9-го іюля 1827 года *) С. И. Гуляевъ, по предписанію

*) На выданной аттестаціи отъ учителей верхняго класса обучавшемуся въ ономъ училищѣ горнаго и заводскаго производства ученику Степану Гуляеву значится: по Физикѣ и Химіи во все время обучался съ отличными предъ прочими успѣхами и прилежаніемъ; по Ориктогнозіи и Геогнозіи обучался весьма прилежно и былъ похваленъ; по Макшрейдерскому искусству учился съ примѣрнымъ успѣхомъ, по Алгебрѣ и Геометріи обучался довольно хорошо; по Логикѣ и Риторикѣ оказалъ хорошіе успѣхи; по Географіи и Исторіи Россійской и Общей обучался очень хорошо и по новымъ языкамъ успѣвалъ очень хорошо. На аттестаціи мнѣнія написаны собственноручно каждымъ учителемъ

Министра Императорскаго Двора, принятъ на службу въ Кабинетъ Его Величества и поступилъ старшимъ писцомъ въ Горное Отдѣленіе, а потомъ, когда Колывано-воскресенскій и Нерчинскій заводы перешли изъ вѣдомства Кабинета Его Императорскаго Величества, вмѣстѣ съ Горнымъ Правленіемъ, въ Управленіе Министра Финансовъ, онъ былъ опредѣленъ по Департаменту горныхъ дѣлъ этого Министерства.

Теперь С. И. выглядывалъ статнымъ юношей. Онъ былъ высокаго роста, плотнаго атлетическаго тѣлосложенія, съ нѣсколько смуглымъ бѣлымъ лицомъ и темнорусыми гладко причесанными волосами. Огромная память, умѣнье владѣть карандашемъ открывали ему широкій путь къ образованію. Тотъ добродушный юморъ, которымъ впослѣдствіи отличался С. И., въ это время былъ еще мало замѣтенъ.

II.

Въ С.-Петербургъ пріѣхалъ онъ съ тремя братьями Быковыми. Старшій изъ нихъ, горный инженеръ Василій Николаевичъ Быковъ, познакомилъ молодыхъ людей со многими петербургскими семействами.

Послѣ выслуги опредѣленнаго числа лѣтъ, въ 1836 г. С. И. былъ произведенъ въ коллежскіе регистраторы, и вслѣдъ за этимъ получилъ штатное мѣсто—помощника столоначальника. Помощники тогда еще не раздѣлялись на старшихъ и младшихъ, жалованья-же получали по 1200 р. асс. въ годъ; иные, впрочемъ, немногіе, пользовались, кромѣ этого, казенною квартирою. Спачала братья Гуляевы жили вмѣстѣ въ казенномъ домѣ, а потомъ С. И. съ однимъ школьнымъ товарищемъ поселился на Васильевскомъ островѣ въ 15 линіи у одной старушки нѣмки.

Такъ какъ служебныя обязанности С. И. были не обременительными, то по любви къ рисованію, онъ сталъ посѣщать вечерніе классы Академіи Художествъ. Въ это время познакомился онъ съ семействомъ одного заслуженнаго чиновника, бывшаго столоначальникомъ въ сиротскомъ судѣ, Филиппа Николаевича Пояркова. Семейство его состояло изъ жены Екатерины Семеновны, получившей воспитаніе въ Смольномъ монастырѣ, и двухъ дочерей Саши и

Нади, изъ коихъ старшей, имѣвшей лѣтъ тринадцать отъ роду, пригласили С. И. давать уроки изъ нѣкоторыхъ предметовъ и рисованія; другая была моложе пятью годами.

Привыкнувъ къ этому доброму семейству, С. И. полюбилъ свою ученицу, и когда исполнилось шестнадцать лѣтъ, женился на ней. Въ приданое за женою получилъ небольшой деревянный домикъ, въ одномъ изъ отдаленныхъ отъ центра города предмѣстій, въ который и переѣхалъ вскорѣ послѣ свадьбы, происходившей передъ масляницей. По существовавшей тогда, сравнительно съ нынѣшнимъ временемъ, дешевизнѣ, жалованья, при готовой квартирѣ и получаемой за частные уроки платѣ, было достаточно для удовлетворенія скромныхъ желаній и нуждъ; на посѣщеніе съ изрѣдка театра, на которомъ блисталъ незабвенный В. А. Каратыгинъ, находившійся въ цвѣтѣ лѣтъ; на поѣздки, иногда, за городъ и на другія удовольствія. Хотя сторона, гдѣ обитали молодые супруги, была, какъ говорится, глухая, однакожъ, они не скучали, въ небольшомъ кружкѣ родныхъ и школьныхъ товарищей, пріѣхавшихъ изъ Сибири искать счастія.

Въ первые, прожитые въ Петербургѣ, девять лѣтъ С. И. много работалъ надъ пробѣлами въ своемъ образованіи. Въ этомъ ему помогли знакомства съ Измаиломъ Ивановичемъ Срезневскимъ и съ издателемъ „Отечественныхъ Записокъ“ Сенковскимъ. Изъ ученика горнаго и заводскаго дѣла началъ формироваться этнографъ-филологъ. Весь досугъ свой отъ служебныхъ занятій въ канцеляріи онъ посвящалъ средѣ друзей филологовъ и художниковъ или изученію законовъ русскаго языка или работалъ въ академіи художествъ въ качествѣ вольнаго рисовальщика.

Къ тому времени, когда С. И. давалъ уроки русскаго языка своей будущей супругѣ Александрѣ Филипповнѣ, относится составленная имъ грамматика русскаго языка, изданная чрезъ двадцать лѣтъ подъ псевдонимомъ Алейскаго и подъ названіемъ „Опытъ грамматики русскаго языка“ *). Изданіе это есть конспектъ филологическихъ познаній, пріобрѣтенныхъ въ то время авторомъ, но, какъ учебникъ, это сочиненіе для школы было негодно. Основываясь на

Опытъ грамматики русскаго языка, составленный домашнимъ учителемъ С. Алейскимъ. С. Петербургъ. Типографія Веймара. 1859 года.

томъ, что общіе законы человѣческаго слова для всѣхъ языковъ одинаковы, и что грамматика какого-либо языка требуетъ, какъ наука, систематическаго изложенія частныхъ правилъ, проистекающихъ изъ тѣхъ-же общихъ началъ, авторъ старается объяснить тѣ психологическія и логическія понятія, на которыя опираются грамматическія опредѣленія. Такъ, напримѣръ, если говорится, что имя есть названіе предмета, свойства, качества, признака, или что глаголъ означаетъ бытіе, состояніе, дѣйствіе, то авторъ старается дать понятіе о томъ, что разумѣется подъ словами предметъ, свойство, качество, признакъ, бытіе, состояніе, дѣйствіе и т. п. Вотъ опредѣленію этихъ понятій авторъ и посвятилъ почти четвертую часть изданія. Справедливость требуетъ сказать, что хотя изданное С. И. сочиненіе не могло быть принято учебникомъ, по тѣмъ не менѣе этотъ оригинальный опытъ грамматики давалъ много матеріала для сознательнаго употребленія отечественнаго языка, выражающаго умственную дѣятельность русскаго народа.

III.

Годы смѣняются годами, а въ ихъ теченіи мужаетъ и крѣпнетъ человѣческая мысль. Женитьба С. И. нисколько не измѣнила его образа жизни и не повліяла на его благородныя стремленія; измѣнилась только обстановка. Холостякомъ онъ жилъ на казенной квартирѣ, а теперь переѣхалъ на частную квартиру, сначала, на Невскомъ проспектѣ, а потомъ на Петербургскую сторону въ домъ своего дѣда, доставшійся по наслѣдству. Семья по-немногу стала увеличиваться, а вмѣстѣ съ этимъ увеличивались и расходы. Для С. И. началось время усиленной дѣятельности. Въ 1839 году онъ выступаетъ съ первымъ своимъ литературнымъ трудомъ „О сибирскихъ круговыхъ пѣсняхъ“, напечатаннымъ въ Отечественныхъ Запискахъ. По службѣ былъ нѣсколько разъ командированъ для присутствованія при контръ-пробахъ представляемаго въ казну золота въ томъ случаѣ, когда лица, занимающіяся золотопромышленностью не присылали своихъ повѣренныхъ. Заявивъ себя въ этихъ командировкахъ безукоризненной честностью, С. И. былъ неоднократно Всемилостивѣйше жалованъ денежными наградами.

Въ 1842 году С. И. выступилъ на литературное поприще съ обширной и глубоко-интересной статьей „Алтайскіе каменщики“. Статья эта сначала была представлена Начальнику Департамента Ев. П. Ковалевскому, который разрѣшилъ ее напечатать въ 1845 году въ Академическихъ Вѣдомостяхъ (№№ 20, 21, 22, 28, 29, 30). *) Въ рукописи она была представлена Его Сіятельству принцу Петру Георгіевичу Ольденбургскому, отъ котораго Гуляевъ получилъ благодарность. Къ статьѣ, которая у меня хранится въ рукописи, приклеенъ оторванный отъ другой рукописи лоскутокъ бумаги съ помѣткой принца: „Читается статья съ удовольствіемъ, какъ историческій фактъ, мастерскимъ слогомъ написанный. 18 февраля 1845 г., воскресенье“.

За годъ передъ этимъ С. И. была напечатана въ Академическихъ Вѣдомостяхъ статья „О яшмовой чашѣ“. Тогда-же обрабатывался обширный этнографическій матеріалъ Южной Сибири, который составлялъ плоды многолѣтнихъ наблюденій С. И. съ самаго ранняго дѣтства. Сюда вошли свадебные обряды, наговоры и заговоры, пѣсни круговыя, проголосныя и плясовыя. Кромѣ того къ этой статьѣ присоединенъ мѣстный этнографическій словарь.

Средства къ жизни были недостаточны, поэтому С. И. приходилось заниматься частными уроками. Много лѣтъ давалъ онъ уроки рисованія у придворнаго ювелира и золотыхъ дѣлъ мастера Василія Ивановича Кейбеля, дѣтямъ этого ювелира: Юліи, Адольфу, Герминіи и обучавшимся у Кейбеля ювелирному искусству юношамъ, которыхъ было постоянно человѣкъ шесть. Такъ какъ они занимались цѣлую недѣлю въ мастерской, то С. И. приходилъ на уроки только по воскресеньямъ и по праздникамъ. Въ то время у одного только Кейбеля и была такая школа, другіе ювелиры объ этомъ не помышляли. Ученики были все нѣмцы и смѣнялись чрезъ каждые четыре года новыми, а окончившіе ученье представляли ремесленной управѣ сдѣланныя по ея назначенію вещи и получали званье подмастерьевъ. Изъ подмастерьевъ формировались мастера художники и дѣлались сами ювелирами хозяевами. Таковыми впослѣдствіи явились Юл. Ив. Лотейеръ, Ал. Ив. Ленъ, Кон. Евт. Зауерлендеръ.

---

*) Извлеченія изъ статьи „Алтайскіе каменщики“ напечатаны также въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 1845 г. въ №№ 20-30.

Занимаясь съ учениками Кейбеля рисованіемъ, С. И. сообщалъ имъ во время уроковъ нѣкоторыя общеобразовательныя познанія, хотя эти занятія и не входили въ кругъ обязанностей по условію съ Кейбелемъ. Онъ знакомилъ своихъ учениковъ съ естествознаніемъ, исторіей, мифологіей, искусствами, древностями и проч. Въ этомъ дѣлѣ онъ не былъ похожъ на тѣхъ дюжинныхъ учителей, которые, положивъ предъ собою часы, ждутъ окончанія условленнаго для уроковъ времени, не скажутъ ничего дѣльнаго, о чемъ не упомянуто въ учебникѣ. Праздничные уроки такъ завлекали учителя и учениковъ, что Кейбель послѣ трехъ или даже четырехъ часоваго урока входилъ въ учебную комнату и вѣжливо напоминалъ объ отдыхѣ.

Въ томъ же 1845 году С. И. представилъ въ Императорское Вольное Экономическое Общество „Естественно-историческіе очерки южной Сибири“ и три другія статьи о произведеніяхъ тамошняго края *). Вольно-экономическое общество избрало его своимъ членомъ-корреспондентомъ, „изъявляя чрезъ сіе“ — какъ выражено въ дипломѣ, — „желаніе его способствовать распространенію полезныхъ экономическихъ знаній и сообщать Вольно-экономическому Обществу все то, что можетъ служить къ процвѣтанію въ Россіи земледѣлія и домостроительства. Упомянутыя выше статьи были потомъ напечатаны въ Трудахъ Вольно-экономическаго Общества 1852 г. т. V к. 2-я.

IV.

Въ 1846 году С. И., по распоряженію Министра Финансовъ былъ переведенъ столоначальникомъ въ отдѣленіе частныхъ золотыхъ промысловъ. Ученыя занятія С. И., какъ видно, не мѣшали его служебной дѣятельности: въ 1850 году онъ былъ уже въ чинѣ Титулярнаго Совѣтника и получилъ знакъ отличія безпорочной службы за XV лѣтъ. Въ это время имъ обработана была обширная и глубоко интересная статья „Замѣтки объ Иртышѣ и странахъ, имъ орошаемыхъ“ и при ней дневникъ прапорщика Подзорова. Распространяться о достоинствахъ этого сочиненія, какъ

*) Свѣдѣнія изъ формулярнаго списка Гуляева.

равно и другихъ, изданныхъ С. И., мы не считаемъ здѣсь умѣстнымъ, ограничимся только указаніемъ на то вниманіе, какимъ они своевременно были удостоены. Послѣ напечатанія вышеупомянутой статьи *), Императорское Географическое Общество избрало С. И. своимъ членомъ-сотрудникомъ.

Работая въ отдѣленіи частныхъ золотыхъ промысловъ, Гуляевъ не ограничивался ролью канцелярскаго дѣятеля. Желая всѣми силами быть полезнымъ тому дѣйствительному дѣлу, которому онъ служилъ, С. И. издалъ „Руководство для золотопромышленниковъ. С. П. 1852 г.“ которое въ свое время сослужило свою службу для лицъ, плохо знакомыхъ съ горнымъ дѣломъ. Въ Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ онъ напечаталъ статью „Колыванъ-Колывань“; въ Вѣстникѣ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества „Свадебные обряды въ Ярославской губ. (1852 г., кн. 2-я); въ Извѣстіяхъ Академіи наукъ (1852—1853 г.) Былины, собранныя въ Сузунскомъ заводѣ: 1) „Объ Ильѣ Муромцѣ и Борисѣ Збушѣ“, 2) „Про Дуная Ивановича и жену его“ и 3) „Про Алешу Поповича и сестру его“ и наконецъ въ 8 выпускѣ II тома Прибавленій къ Извѣстіямъ II отдѣленія Академіи наукъ помѣщены пѣсни, собранныя изъ Локтевскаго завода.

Въ Петербургѣ С. И. велъ жизнь чрезвычайно скромную-трудовую. Постоянно занятый службой, самообразованіемъ и научными трудами, онъ мало отдавалъ времени удовольствіямъ семейной и общественной жизни. Съ 11 часовъ дня до 6 часовъ вечера уходилъ онъ на службу, а супруга его на уроки музыки. Семья маленькихъ дѣтей оставалась подъ надзоромъ няни. Кружекъ знакомыхъ состоялъ преимущественно изъ лицъ, имѣющихъ общіе научные интересы. По воскресеньямъ иногда собиралась молодежь изъ сибиряковъ, воспитывающихся въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ и состоящихъ на службѣ. Всѣхъ занимали тогда кровавые эпизоды восточной войны. Каждый день съ поля битвы приносились извѣстія одно другого тяжелѣе. «Война—говорилъ С. И.—очистительная жертва, ибо надъ нами одерживаетъ побѣду наше невѣжество. Нужно работать, нужно учиться, нужно распро-

*) Вѣстникъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества 1851 г. кн. V и VI.

странять полезныя знанія въ народѣ. Сила въ экономическомъ богатствѣ, а не въ русской удали».

Къ этому времени относится знакомство С. И. съ Павломъ Ивановичемъ Якушкинымъ, извѣстнымъ собирателемъ народныхъ пѣсенъ. Съ Молчановымъ, извѣстнымъ пѣвцомъ народныхъ пѣсенъ, С. И. былъ знакомъ давно. Однажды, въ началѣ зимы 1856 г., въ какой-то праздникъ, С. И. возвратился домой съ уроковъ отъ Кейбеля. Увидѣвъ, что парадная дверь отворена, онъ заключилъ, что былъ кто-нибудь посторонній. Чтобы никого не безпокоить, хозяинъ вошолъ въ кабинетъ чрезъ черное крыльцо; изъ залы слышалось пѣніе и музыка. Тамъ, окруженный дѣтьми, Якушкинъ распѣвалъ народныи пѣсни, аккомпанировала хозяйка дома Александра Филипповна. Гость отрекомендовался и прибавилъ, что, по указанію Измаила Ивановича Срезневскаго, пріѣхалъ взглянуть на собираемыя С. И. былины и народныя пѣсни. Въ отсутствіе С. И., жена его Александра Филипповна, большая любительница музыки, отыскала положенные на ноты напѣвы нѣкоторыхъ обрядовыхъ и хоровыхъ пѣсенъ, неизвѣстныхъ еще и теперь въ музыкальный литературѣ, и предложила разыграть ихъ на фортепьяно. Напѣвы были незнакомы Павлу Ивановичу, при томъ онъ не зналъ нотъ и не игралъ ни на какомъ инструментѣ, но при чуткомъ слухѣ отзывался на каждую народную мелодію; прислушившись, начиналъ пѣть подъ аккомпаниментъ. Два любителя русской народности встрѣтились какъ старые знакомые. Завязалась оживленная бесѣда о былинахъ и пѣсняхъ. С. И. игралъ на гитарѣ и потому знакомилъ гостя не только съ содержаніемъ пѣсенъ, но и съ напѣвами. За этой бесѣдой новые знакомые провели время до поздней ночи.

Потомъ Павелъ Ивановичъ Якушкинъ заходилъ къ Гуляевымъ довольно часто, пѣлъ съ дѣтьми народныя пѣсни, разсказывалъ о своихъ похожденіяхъ въ народѣ. Часто затягивалъ особенно любимую дѣтьми пѣсню „Ахъ ты, тпруська, ты, тпруська, бычекъ"*), и заставлялъ дѣтей плясать подъ этотъ напѣвъ камаринскую. За время знакомства съ Якушкинымъ С. И. совершенно измѣнился.

---

*) Пѣсня „Бычекъ" помѣщена во 2 тетради собранія русскихъ народныхъ пѣсенъ Стаховича.

Усидчивая кабинетная жизнь особнякомъ отъ семьи смѣнилась оживленными вечеринками. Когда являлся Павелъ Ивановичъ, въ семьѣ Гуляевыхъ былъ праздникъ. Вечеръ начинался съ того, что Павелъ Ивановичъ, усадивъ старшаго сына Колю Гуляева на колѣни предъ фортепьяно, заставлялъ разбирать не хитрыя ноты и играть обрядовыя и хоровыя пѣсни. Кругомъ разсаживалась остальная дѣтская компанія. Когда аккомпаниментъ не удавался, тогда садилась за фортепьяно Александра Филипповна, а самъ С. И. подъигрывалъ на гитарѣ. Напѣвы сибирскихъ обрядовыхъ и круговыхъ пѣсенъ, неизвѣстные еще въ музыкальной литературѣ, нравились Павлу Ивановичу. С. И. списалъ для Якушкина ноты изъ пѣсни „Варили дѣвицы пьяное вино“. Якушкинъ потомъ съ хоромъ изъ своихъ пріятелей пропѣлъ эту пѣсню въ Московскомъ дворянскомъ собраніи и произвелъ большой эффектъ.

На этихъ вечеринкахъ обсуждались планы записыванія сибирскихъ народныхъ мелодій, по примѣру преждевременно похищеннаго смертью Стаховича, и дѣлались попытки составить изъ обрядовыхъ и хороводныхъ пѣсенъ небольшой дивертиссементъ; тутъ же пробовали приготовить для сцены сибирскую „восмерку“—этотъ оживленный танецъ, далеко превосходящій, по мнѣнію С. И., заморскую кадриль. Иногда Павелъ Ивановичъ разсказывалъ о своихъ странствованіяхъ и о своихъ дорожныхъ воспоминаніяхъ. Напечатаются-ли когда-нибудь веденныя имъ во время своихъ странствованій записки, а покойному С. И. Гуляеву онъ ихъ прочитывалъ. Въ нихъ, по разсказамъ Гуляева, заключалось много интереснаго, ибо въ переходахъ, съ коробомъ, изъ одного села въ другое, онъ вращался въ разныхъ слояхъ русскаго народа; бывалъ, въ качествѣ коробейника, и въ домахъ помѣщиковъ; сталкивался съ сельскими властями, со становыми, а въ 1859 году угодилъ даже въ земляную тюрьму въ городѣ Псковѣ, по распоряженію полиціймейстера, полковника Гемпеля. Исторія объ этомъ, напечатанная Павломъ Ивановичемъ *) въ газетахъ, была одною

*) По разсказамъ С. И. Гуляева, Павелъ Ивановичъ Якушкинъ былъ не большаго роста; лицо имѣлъ рябоватое, рдѣвшее румянцемъ; волоса прямые, какъ смоль черные, подстриженные въ скобку; короткій, вздернутый къ верху, носъ; густую не слишкомъ длинную бороду; носилъ очки. Въ синемъ суконномъ сюртукѣ, похожемъ на „сибирку“, въ пестромъ бархатномъ жилетѣ, съ

изъ первыхъ въ нашей литературѣ обличительныхъ статей и повела къ улучшеніямъ по тюремной части.

Въ частыхъ бесѣдахъ своихъ Павелъ Ивановичъ неоднократно убѣждалъ Гуляева взять на лѣто отпускъ и отправиться вмѣстѣ по Святой Руси съ тою-же, какъ и онъ, цѣлью. С. И. давно помышлялъ о такомъ путешествіи и разъ чуть было не рѣшился раздѣлить труды Якушкина, но обстоятельства не дозволили осуществить этого намѣренія. Его тянуло на дальнюю родину, гдѣ нетронутая природа обѣщала изслѣдователю много богатствъ; гдѣ, въ далекой глуши, народная жизнь сохранила первобытную простоту нравовъ и драгоцѣнныя сокровища не испорченныхъ древнерусскихъ мелодій.

Помимо того,что С. И. тянуло на свою дальнюю родину, и жизнь въ Петербургѣ съ большой семьей (тогда было пятеро дѣтей) годъ-отъ-году дѣлалась дороже, ученые труды оплачивались плохо. Случай къ тому, какъ увидимъ ниже, скоро представился. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ С. И. до отъѣзда своего изъ Петербурга напечаталъ статьи: „О графитѣ", „О сибирской слабительной соли" и „О глинистомъ сланцѣ", изъ котораго можно добывать горючую жидкость. Всѣ три статьи помѣщены въ Трудахъ Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества. Кромѣ того, въ Вѣстникѣ Промышленности, издававшемся въ Москвѣ Ѳед. Вас. Чижевымъ, за 1858 годъ помѣстилъ статью „О Механикѣ Ползуновѣ"; въ Археологическомъ Вѣстникѣ „О древнихъ каменныхъ статуяхъ въ Строгоновскомъ саду"; въ Академическихъ Вѣдомостяхъ (1858 г. № 38) „Кулундинская степь" и „О золотыхъ розсыпяхъ и рудныхъ мѣсторожденіяхъ въ киргизской степи" (1858 г. № 52).

блестящими стеклянными пуговицами, въ сапогахъ, называвшихся стрѣлковыми (оттого, что ихъ ввели тогда въ употребленіе въ стрѣлковомъ баталіонѣ, сформированномъ во время восточной войны изъ удѣльныхъ и дворцовыхъ крестьянъ), Павелъ Ивановичъ, въ размашистыхъ движеніяхъ при разговорѣ, представлялъ типъ разбитнаго Московскаго „молодца" приказчика. Во время пребыванія въ Петербургѣ, онъ носилъ темносинюю шинель, въ родѣ чиновничьей, со стоячимъ бобровымъ воротникомъ; и небрежно надѣтую на голову фуражку, лѣтомъ—синій суконный армякъ въ накидку. Павелъ Ивановичъ любилъ иногда выпить,но въ то время страсть эта еще не развилась и его весьма рѣдко можно было замѣтить охмелѣвшимъ; лишняя рюмка не производила на него дѣйствія; онъ былъ одинаковъ, только рѣчь и движенія казались нѣсколько энергичнѣе.

V.

Въ 1859 году Министръ Финансовъ опредѣлилъ С. И. совѣтникомъ отдѣленія частныхъ золотыхъ промысловъ Алтайскаго Горнаго Правленія, съ пребываніемъ въ городѣ Барнаулѣ. По пріѣздѣ въ Сибирь семья Гуляевыхъ встрѣчена была съ полнымъ радушіемъ, особенно старыми знакомыми, дѣти которыхъ пользовались въ Петербургѣ вниманіемъ этой семьи. Жизнь, сравнительно съ Петербургомъ, была баснословно дешева, *) поэтому не требовала такихъ тяжелыхъ трудовъ со стороны обоихъ супруговъ, какъ въ Петербургѣ. Дѣти теперь стали имѣть возможность пользоваться большимъ надзоромъ матери, чѣмъ прежде. С. И. по прежнему былъ занятъ службой съ утра до ночи. Первую скромную квартиру Гуляевы заняли по Тобольской улицѣ въ домѣ Зубарева, противъ острога, а потомъ вскорѣ перешли въ домъ Рексъ, противъ бульвара. Въ то время клубовъ въ городѣ не было и знакомые „гостились" другъ у друга по-очереди, или заходили „на-огонекъ". Радушно встрѣченная Барнаульскимъ обществомъ, семья Гуляевыхъ платила ему тѣмъ-же радушіемъ, поэтому въ самомъ непродолжительномъ времени гостепріимство Гуляевскаго дома открыло двери для всѣхъ; въ особенности частыми посѣтителями были знакомые по службѣ Ястржемскій, Олоровскій, Платоновъ, Прангъ, Богдановъ и Сохинскій.

Наружность С. И. въ пятьдесятъ лѣтъ значительно измѣнилась. Онъ пополнѣлъ и при высокомъ ростѣ казался здоровымъ и могучимъ. Немного посѣдѣвшіе, темные, коротко подстриженные волоса съ зачесанными впередъ косочками обрамляли здоровое лицо. Носилъ онъ коротко отпущенные густые усы, безъ бакеновъ. Выраженіе лица было всегда добродушно-привѣтливое съ легкимъ отпечаткомъ юмора. Его костюмъ былъ свободенъ и простъ. Въ кружкѣ немногихъ друзей, которые собирались около него, онъ былъ всегда веселъ, всегда имѣлъ матеріалъ для разговоровъ и былъ самымъ пріятнымъ собесѣдникомъ. Въ бесѣдахъ былъ чуждъ всякихъ пересудовъ, и если разговоръ клонился къ этому, или переходилъ въ непріятный споръ, то С. И. всегда пресѣкалъ его

*) Мясо 1½ к. фунтъ, мука ржаная 15 к. пудъ, масло 25 коп. фунтъ(?).

словами: «оставимъ это, въ нашемъ распоряженіи для бесѣдъ есть искусства, наука—матеріалъ не исчерпаемый!» Болѣе всего С. И. занималъ народный бытъ и богатства Сибирской страны. Его кабинетъ былъ складомъ всевозможныхъ научныхъ матеріаловъ по минералогіи, зоологіи, ботаникѣ, археологіи; тутъ-же хранились фоліанты рукописей и книгъ. Все это считалъ онъ достояніемъ различныхъ ученыхъ обществъ, для себя не оставлялъ ничего. Къ этому времени относится знакомство С. И. съ французскимъ ученымъ Густавомъ-Луи-Маріемъ-Менье, прибывшимъ въ сопровожденіи прусскаго артиллериста офицера Неймана въ 1860 г. въ Барнаулъ для археологическихъ и геологическихъ изысканій.*)

Утро С. И. аккуратно отдавалъ служебнымъ занятіямъ, вечеръ съ 5 до 8 и 9 час. друзьямъ, а затѣмъ предавался своимъ научнымъ занятіямъ. Къ этому времени относятся напечатанныя имъ въ Академическихъ Вѣдомостяхъ 1859 г. № 175 письма „О народно-врачебныхъ средствахъ" и въ Вѣстникѣ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества 1859 г. № 33 „О пожарахъ въ Локтевскомъ и Салаирскомъ заводахъ, „О древностяхъ въ киргизской степи". При письмахъ отъ 25 марта 1860 года отправлены были въ Императорское Русское Географическое Общество статья „О географическихъ свѣдѣніяхъ древнихъ народовъ" и Измаилу Ивановичу Срезневскому, для 2-го отдѣленія Академіи наукъ статья „О былинахъ". Въ Императорское Географическое Общество представлены: „О кретинизмѣ и зобахъ на рѣкѣ Ленѣ" 1857 г., „О дикой дѣвушкѣ, найденной въ Иркутскомъ округѣ" 1867 г., „Разсказъ крестьянина Токарева, бѣжавшаго изъ плѣна отъ

*) Густавъ-Луи-Марій-Менье путешествовалъ въ Сибири съ іюля 1860 г. по 12 марта 1861 г. Путешествіе это предпринято по порученію и на средства барона Эйхталя, управляющаго однимъ изъ кредитныхъ учрежденій Франціи, для изслѣдованія Сибири и Киргизскихъ степей. Менье 8 іюля 1860 г. прибыль въ Барнаулъ, затѣмъ отправился чрезъ Змѣиногорскъ въ Тигирецкій рудникъ. Тамъ занялся изслѣдованіемъ семи пещеръ на рѣкѣ Инѣ. При раскопкахъ на значительную глубину нашелъ тамъ много костей животныхъ древней эпохи и наконечниковъ стрѣлъ. Тамъ-же нашелъ остовъ мамонта, расхищенный и испорченный крестьянами при добываніи глины. Затѣмъ имъ были изслѣдованы пещеры близь дерев. Чагыра. Изъ Чагыра Менье ѣздилъ въ Бійскій округъ и 14 сентября возвратился въ Барнаулъ. Здѣсь онъ занялся раскопкой кургановъ въ 9 верстахъ отъ Барнаула по дорогѣ въ деревню Гоньбу, при чемъ нашелъ много костяныхъ наконечниковъ стрѣлъ, полированныхъ сердоликовъ и желѣзныхъ предметовъ. Въ декабрѣ Менье отправился въ Томскъ, простудился и 12-го марта 1861 года умеръ въ Барнаулѣ.

китайцевъ въ 1777 году“ (статья представлена Изм. Иван. Срезневскому), „О древнихъ сосудахъ, найденныхъ въ Гурьевскихъ заводахъ (Вѣстн. Археолог. Общества).

Независимо отъ научныхъ занятій С. И. занимался садоводствомъ и распространеніемъ въ населеніи полезныхъ растеній, собираніемъ древнихъ рукописей и книгъ и коллектировалъ во всевозможныхъ спеціальностяхъ. Такъ, въ октябрѣ 1859 года были выписаны отъ Вагнера въ Ригѣ табачныя сѣмена, а въ іюнѣ слѣдующаго года С. И. посылаетъ въ Вольно-Экономическое Общество образцы листоваго табаку.*) Туда-же вскорѣ отправляетъ онъ коллекцію полезныхъ минераловъ.**) Въ первые четыре г. сборъ рукописей и рѣдкихъ книгъ шелъ довольно успѣшно. Всѣ свои пріобрѣтенія С. И. представлялъ чрезъ барона М. А. Корфа въ Императорскую Публичную библіотеку.***) Кромѣ того С. И. Гуляевъ занимался акклиматизаціей растеній и сѣмена ихъ отправлялъ въ Общество садоводства и въ Императорское Вольно-Экономическое Общество. ****)

С. И. задался мыслью съ одной стороны распространять въ народѣ полезныя и практическія познанія, а съ другой стороны знакомить ученый міръ съ естественными произведеніями Сибири. Кромѣ того онъ находилъ время для составленія самыхъ разнообразныхъ проектовъ. Такъ, напр., въ апрѣлѣ 1860 года онъ представилъ въ временный Артиллерійскій комитетъ записку о коническихъ и пирамидальныхъ ядрахъ и о чугунныхъ пуляхъ съ свинцовою оболочкою. Въ подобныхъ-же письмахъ онъ не разъ обращалъ вниманіе военнаго вѣдомства на мѣсторожденія свинца и горючей сѣры въ киргизской степи, въ рудникахъ Поповыхъ, при этомъ проектировалъ устройство тамъ заводовъ для добыванія этихъ минераловъ, на случай снабженія войскъ свинцомъ и порохомъ въ военное время. С. И. доказывалъ, что сооруженіе въ степи подобныхъ заводовъ важно, если и не для цѣлей войны, то, по

---

*) Письма въ В. Э. О. 8 іюля и 19 августа 1860 года.

**) Письмо въ В. Э. О. 15 іюля 1860 г.

***) Письма М. А. Корфу 15 апрѣля и 19 октября 1860 г. Письмо въ Импер. Руск. Геогр. Общество 8 іюля 1862 года.

****) Письма 2 ноября 1882 г., 13, 17 декабря 1882 г., 17 октября и 1 декабря 1883 года.

крайней мѣрѣ, въ видахъ развитія тамъ горной промышленности, „гдѣ руды и камень лежатъ просто подъ ногами“, а Поповы между тѣмъ не имѣютъ средствъ приступить къ этому. „Въ Окружномъ Артиллерійскомъ Управленіи военнаго округа производилась въ 1865 году переписка по этому проекту Гуляева, но осталась безъ послѣдствій. Управленіе, однако, обращалось (13 января 1866 года за № 103) къ Начальнику Алтайскихъ горныхъ заводовъ съ вопросомъ: въ какой мѣрѣ справедливо указаніе Гуляева о существованіи въ Сибири сѣры, будетъ-ли добываніе ея представлять какія либо удобства и выгоды для казны, по мѣстнымъ обстоятельствамъ края, и какіе для этого могутъ потребоваться расходы?

Научная дѣятельность С. И. Гуляева за время 1859—1864 г.г. была оцѣнена слѣдующими учеными обществами: Томскій Статистическій Комитетъ 30 ноября 1859 г. сначала избралъ его корреспондентомъ, а потомъ 24 августа 1861 г. дѣйствительнымъ членомъ; Общество садоводства 30 апрѣля 1864 г. избрало С. И. членомъ-сотрудникомъ; Императорское Вольно-экономическое Общество дало 30 декабря 1860 г. похвальный отзывъ за представленные С. И. на выставку сельскаго хозяйства и промышленности разные полезные матеріалы, а 22 февраля 1861 г. тоже Общество присудило С. И. бронзовую медаль за доставленные на выставку 1860 г. образцы саксауля, сладкой травы, чія и въ особенности за представленные табакъ, сигары и папиросы хорошаго качества.

Научныя занятія хотя и отвлекали С. И. отъ того гнетущаго состоянія, въ которое приводило всюду господствовавшее тогда взяточничество и злоупотребленія, однако, ужиться съ этимъ зломъ онъ не могъ. Барнаулъ и весь Алтайскій горный округъ представлялъ тогда соединенное родственными связями гнѣздо казнокрадовъ; связи эти закрѣплены были и въ Петербургѣ. Не разъ С. И. писалъ туда, что жизнь его дѣлается невыносимой среди открыто царящаго зла, и что онъ не можетъ совладать съ собой, чтобы удерживаться отъ разоблаченій. На эти жалобы онъ получалъ отвѣты внушительные: «Заѣхали въ яму, такъ и живите, какъ другіе живутъ; не нами заведены эти порядки, не нами и кончатся».

VI.

Съ цѣлью лично ознакомить Петербургскій административный міръ съ страшными злоупотребленіями на Алтаѣ, С. И. испросилъ

въ декабрѣ 1863 года разрѣшеніе сопровождать второй зимній караванъ съ частнымъ золотомъ. Въ Петербургѣ С. И. отдыхалъ шесть мѣсяцевъ въ средѣ своихъ старыхъ знакомыхъ: Александра Петровича Милюкова, Дмитрія Сергѣевича Елина, Александра Ивановича Ходнева, Николая Семеновича Щукина, Измаила Ивановича Срезпевскаго, Владиміра Ивановича Ламанскаго, Владиміра Николаевича Майкова. Въ это время возбужденъ былъ вопросъ объ учрежденіи въ Барнаулѣ гимназіи, и С. И. оказался полезнымъ по сообщенію нѣкоторыхъ свѣдѣній относительно помѣщенія гимназіи и по вопросу объ устройствѣ ея администраціи. Въ принципѣ было рѣшено преобразовать въ гимназію Барнаульское Горное училище и помѣстить его въ зданіяхъ Горнаго Правленія, гдѣ уже помѣщены прекрасный Алтайскій музей и библіотека. Въ Петербургѣ С. И. обнадежили, что, съ возвращеніемъ въ Барнаулъ, онъ пріѣдетъ къ открытію гимназіи. Дѣйствительно, вслѣдъ за возвращеніемъ Гуляева въ Барнаулъ, съѣхались назначенные въ гимназію преподаватели; имъ назначены были оклады жалованья, а гимназія не открылась до настоящаго времени.

Изъ Петербурга С. И. возвратился и ободренный, и обезкураженный: ободренъ онъ былъ привѣтомъ добрыхъ ученыхъ друзей, а обезкураженъ тѣмъ, что ему было внушено, кѣмъ слѣдуетъ, „непротивленіе злу“. Разоблаченія злоупотребленій были безполезны. Оставалось одно — беречь самого себя и всецѣло отдаться научнымъ изслѣдованіямъ родины. Жалованье по службѣ С. И., какъ и всему, такъ называемому, „золотому столу“ горнаго правленія, полагалось не большое, въ предположеніи на мзду законную и незаконную. Законной мздой назывался установленный временемъ извѣстный процентъ съ доставленнаго золотопромышленниками и ихъ довѣрителями золота. Процентъ этотъ довѣрители до пріѣзда С. И. уплачивали лично сначала совѣтнику, потомъ секретарю и наконецъ на все отдѣленіе. Въ разговорѣ съ довѣрителемъ самый ничтожный корыстолюбивый намекъ чиновника золотаго отдѣленія обязывалъ перваго къ немедленной уплатѣ законной мзды. Въ то время въ Иркутскѣ золотоплавильной лабораторіи не было, и всю баснословную добычу золота съ пріисковъ Сибирякова, Нѣмчинова и Базанова доставляли въ Барнаулъ. Узаконенная мзда или процентъ съ золота достигалъ до нѣсколькихъ тысячъ рублей. С. И. относился къ этого

рода „знаку благодарности" крайне брезгливо; однако, воспретить его своимъ подчиненнымъ не могъ, въ силу Петербургскихъ инструкцій. Съ довѣрителями и золотопромышленниками, которые къ нему являлись, вмѣсто корыстолюбивыхъ намековъ на вознагражденіе за труды, онъ обыкновенно заводилъ нескончаемыя бесѣды о природѣ тѣхъ странъ, откуда они прибыли, о минералахъ, о золотоносныхъ пескахъ и о разныхъ разностяхъ. Довѣренныхъ отъ промышленниковъ, которые были знакомы со всякаго рода вымогательствами, такой образъ дѣйствій „чуднаго" совѣтника сначала удивлялъ, а затѣмъ сдѣлался обыкновеннымъ. Чины золотаго стола, зная слабость С. И., для сокращенія времени золотопромышленниковъ, часто не допускали ихъ къ своему совѣтнику, а брали на себя всѣ хлопоты по выдачѣ ассигновокъ, получая мзду за него и за себя въ одинъ карманъ.

Незаконная мзда до С. И. вымогалась разными прижимками, какъ при полученіи довѣрителями ассигновокъ, такъ, въ особенности, по заявкамъ и отводу золотоносныхъ площадей. Этого рода мздой создавались капиталы въ сотни тысячъ рублей. Дѣло въ томъ, что отводы золотоносныхъ площадей въ прежнее время исключительно зависѣли отъ золотаго стола. Совѣтники и столоначальники могли не только задержать заявку, но даже не утвердить ее, а передать заявленную площадь въ казну. Золотопромышленнику выгодно было подчиниться какимъ угодно требованіямъ совѣтника. Вотъ въ этихъ дѣлахъ и совершались крупныя сдѣлки между золотымъ столомъ и золотопромышленниками. При упрямствѣ золотопромышленника или его довѣреннаго, заявка площади не утверждалась и они теряли тысячи рублей. С. И., насколько могъ, искоренилъ этотъ родъ взяточничества. Впослѣдствіи отводъ площадей сталъ зависѣть исключительно отъ ревизоровъ, которые хотя и прежде вѣдали это дѣло, но сами находились въ зависимости отъ золотаго стола. Напутствуемый добрыми пожеланіями петербургскихъ друзей, сторонниковъ „непротивленія злу", С. И. поставленъ былъ въ необходимость „сора изъ избы не выносить".

Въ 1864 и 65 годахъ въ Барнаулѣ свирѣпствовали страшные пожары. Причину поджоговъ приписывали сосланнымъ въ то время полякамъ повстанцамъ. Дѣло дошло до того, что многіе жители побросали свои дома и со всѣмъ имуществомъ выселились въ

палатки, на берегъ рѣки Оби. Изъ города высланы были всѣ поселенцы и подозрительные люди, и поджоги мало-по-малу прекратились. Тревожное состояніе духа, вызываемое пожарами, не надолго прервало научныя занятія С. И. Тѣмъ временемъ въ Барнаулѣ появились свѣжія молодыя силы. Это былъ, такъ называемый, институтъ мировыхъ посредниковъ, только что введенный въ Алтайскомъ горномъ округѣ. Молодые люди съ университетскимъ образованіемъ набраны были преимущественно изъ чиновниковъ Главнаго Управленія Западной Сибири. Это первое піонеры вѣяній шестидесятыхъ годовъ явились въ страну закоренѣлаго взяточничества апостолами справедливости съ видимымъ желаніемъ принести пользу странѣ; но, увы, всѣ благородныя стремленія были только на словахъ: при первомъ столкновеніи съ дѣйствительностью большинство ихъ потонуло въ общемъ омутѣ самаго грубаго взяточничества.

Въ это-же время въ Барнаулѣ прибыла молодежь, уволенная за безпорядки изъ разныхъ университетовъ. Молодые люди были приняты въ домъ С. И., какъ свои родные. Имъ онъ отыскивалъ уроки, занятія, старался внушить любовь къ изслѣдованіямъ. Къ проступкамъ и вообще къ дѣяніямъ тогдашней молодежи С. И. относился крайне благодушно. Всѣ университетскіе безпорядки, всю либеральную болтовню считалъ онъ дѣломъ крайне не серьезнымъ. Истинныя причины безпорядковъ въ университетахъ онъ приписывалъ съ одной стороны слабой подготовкѣ студентовъ къ слушанію университетскихъ курсовъ, а съ другой небрежнымъ отношеніямъ къ своимъ обязанностямъ самихъ профессоровъ. Обыкновенно онъ всегда уклонялся отъ разговоровъ по вопросамъ, которые были злобой дня шестидесятыхъ годовъ. Въ запискахъ С. И. сохранилось письмо одного университетскаго студента, которое совершенно подтверждаетъ вышесказанные взгляды.

Въ 1865 году, по поводу назначенія въ Парижѣ первой всемірной выставки, въ Барнаулѣ было учреждено особое отдѣленіе Омскаго Комитета, на которое было возложено выслать возможно полное собраніе сырыхъ и обработанныхъ продуктовъ, а также естественныхъ произведеній Западной Сибири. Бывшій начальникъ горныхъ заводовъ Фрезе назначилъ въ отдѣленіе членами полковника Филева, совѣтника Платонова, подполковника Ярославцева и С. И. Гуляева. По открытіи Барнаульскаго отдѣленія всю работу поручено выполнить Гуляеву, какъ человѣку, всецѣло преданному наукѣ.

VII.

Послѣ поѣздки въ Петербургъ, послѣ тревогъ, вызванныхъ пожаромъ, С. И. могъ приступить къ своимъ обычнымъ занятіямъ только въ концѣ 1866 года. Въ это время онъ тщательно собиралъ свѣдѣнія о рыболовствѣ въ Телецкомъ озерѣ при генералъ-губернаторѣ Капцевичѣ, о минеральныхъ ключахъ на Алтаѣ и о байкальскомъ горномъ воскѣ (изокеритѣ). Розыскавъ въ дѣлахъ свѣдѣнія о томъ, что бывшій генералъ-губернаторъ Западной Сибири Капцевичъ занимался въ двадцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія устройствомъ сельдевыхъ рыбалокъ на Телецкомъ озерѣ, С. И. старается обратить вниманіе людей предпріимчивыхъ на эту полезную для края еще не тронутую отрасль промышленности. Для этого онъ напечаталъ въ Томскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ статью „О сельдяхъ въ Телецкомъ озерѣ“ (1865 г. № 43), завелъ переписку по этому вопросу съ академикомъ К. М. Беромъ, просилъ содѣйствія по доставкѣ сельдей въ Барнаулъ мироваго посредника Мамонова, писалъ о важности этого промысла супругѣ Томскаго Губернатора Аделаидѣ Алексѣевнѣ Родзянко. Безкорыстныя рекламы долго не давали настоящихъ результатовъ. Наконецъ С. И. упрашиваетъ барнаульскаго мѣщанина Суслонова, проживающаго въ миссіонерскомъ станѣ Кебезени, близь Телецкаго озера, заняться этимъ промысломъ. Суслоновъ наловилъ этихъ сельдей до трехъ пудовъ, но засолилъ очень плохо. С. И. въ слѣдующемъ году далъ ему подробныя наставленія, какъ надо поступать при засолѣ сельдей и убѣдилъ рыболововъ не отчаяваться и не бросать этого дѣла. Въ іюлѣ 1868 года Суслоновъ, вмѣстѣ съ барнаульскимъ мѣщаниномъ Трепихинымъ, занялись рыбной ловлей, добыли 18 пудовъ сельдей, *) продали ихъ въ Барнаулѣ по 6 руб. пудъ и тѣмъ закончили дѣло. Потомъ С. И. рекламировалъ добываніе въ Телецкомъ озерѣ другаго рода мелкихъ сельдей, очень сходнаго съ кильками. Дѣло съ рыболовствомъ на Телецкомъ озерѣ не подвинулось ни на шагъ до настоящаго времени.

Въ 1867 году С. И. публикуетъ въ запискахъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и въ Томскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ „О минеральныхъ ключахъ въ деревнѣ Новой

(*) Телецкая сельдь однородна съ омулемъ и бѣшенкой.

Бѣлокурихѣ" (1867 г. іюнь). Подробную статью о ключахъ алтайскаго горнаго округа: щелочныхъ, соленыхъ, сѣрныхъ, желѣзныхъ и проч. онъ послалъ въ изданія Академіи наукъ, чрезъ К. М. Бера 8 сентября 1867 года. Тѣмъ временемъ всѣ усилія свои С. И. направляетъ теперь къ распространенію свѣдѣній объ утилизаціи естественныхъ богатствъ Западной Сибири. Старательно отыскиваетъ въ разныхъ мѣстахъ Сибири литографный камень, наждакъ и трепелъ; занимается приготовленіемъ ирнаго мочала и сосновой шерсти и, наконецъ, открываетъ способъ окраски овчинъ въ черный цвѣтъ. Извѣстные по своей мягкости, прочности и крѣпости Барнаульскіе полушубки приготовляются и окрашиваются по способу С. И.

Отыскивая растительный продуктъ, который-бы замѣнилъ дорого стоющіе чернильные орѣшки при приготовленіи чернилъ, С. И. смѣшивалъ отваръ ивовой коры съ растворомъ хромово-кислаго кали, причемъ чернила получались удовлетворительные. Затѣмъ ивовый экстрактъ онъ замѣнилъ сандальнымъ, и цвѣтъ черный краски получился еще лучше. Доискавшись дешеваго способа приготовленія такой краски, онъ началъ дѣлать опыты надъ окрашиваніемъ ею разныхъ предметовъ и между прочимъ бараньихъ овчинъ. Опыты удались, но овчины окрашенныя этимъ способомъ пачкали, по этому нужно было опредѣлить пропорцію смѣси. Дѣлая дальнѣйшіе опыты надъ составами, С. И. нашелъ, что мездра овчинъ отъ хромпика пріобрѣтаетъ весьма важное въ экономическомъ отношеніи свойство: она не „колѣетъ", не лопается, а если промокнетъ отъ дождя, то стоитъ только выжать и повѣсить для просушки, подальше отъ печи, и она принимаетъ прежній видъ. Оказалось потомъ, что тѣмъ-же растворомъ можно покрывать не вычищенные ваксою сапоги, отчего кожа дѣлается болѣе прочною, не боится мокра, не бурѣетъ. Сыромятные ремни на сбруѣ, покрытые растворомъ экстракта также пріобрѣтаютъ прочность.

Изучивъ способы окраски овчинъ, С. И. пригласилъ одного бѣднаго барнаульскаго шубника и показалъ ему окрашенную овчину.

— Идетъ это къ вашему дѣлу? спросилъ его Гуляевъ.

Шубникъ осмотрѣлъ окрашенную овчину, помялъ въ рукахъ, потеръ на ладони и отвѣтилъ:

— Какже, С. И., и очепно это идетъ, только это, поди, вѣдь, въ Рассеѣ такъ красятъ, у нихъ составы другіе.

— А хочешь, научу; только смотри, братъ, уговоръ: когда разбогатѣешь, шубы на мою семью шить безъ барышей, по своей цѣнѣ. Согласенъ?

— Нѣтъ, да чаво, у насъ мастеровъ нѣтъ, у насъ это дѣло не пойдетъ.

— А ты пробуй, вѣдь съ тебя за показъ денегъ не берутъ.

С. И. показалъ шубнику красильные экстракты, показалъ способъ окраски овчинъ; наконецъ далъ для образца самые растворы и взялъ слово, что шубникъ сдѣлаетъ пробы. Долго мастеръ не показывался, что немало смущало С. И.; между тѣмъ онъ принялся за работу съ толкомъ и энергіей. Окрасилъ овчины, сшилъ нѣсколько полушубковъ и пустилъ въ продажу. Знатоки дѣла сразу оцѣнили ихъ достоинство. Спросъ возросъ до того, что небольшая мастерская не успѣвала ему удовлетворять. Чрезъ мѣсяцъ шубникъ явился къ С. И. съ благодарностью: принесъ три рубля и, съ поклономъ въ ноги, просилъ принять ихъ за выучку.

— Ну, что-же, идетъ дѣло? спросилъ С. И.

— Слава Богу, слава Богу! ровно надо-бы пойти: спросъ большой на эту окраску.

Дѣйствительно, не прошло и года, барнаульскіе полушубки сдѣлались извѣстными отъ Иркутска до Москвы. С. И., когда зайдетъ рѣчь объ этомъ предметѣ, любилъ показывать „знакъ благодарности" простолюдина, полученный за открытіе, и гордился имъ не менѣе дипломовъ, которые получалъ онъ отъ разныхъ ученыхъ обществъ.

Не такъ успѣшно шла у С. И. такая-же безкорыстная пропаганда приготовленія сосновой шерсти для набивки матрацовъ, мебели, для вязанія чулокъ и носковъ. Еще въ сороковыхъ годахъ, какъ прусскій лѣсничій Панневицъ пустилъ въ продажу различные предметы, приготовленные имъ изъ сосновой шерсти по изобрѣтенному имъ секретному способу. С. И. Гуляевъ сталъ отыскивать подобные-же способы и въ 1847 году довелъ до свѣдѣнія Императорскаго Вольно-Экономическаго общества свои открытія. Способъ приготовленія сосновой шерсти чрезвычайно простъ: сосновыя иголки распариваютъ около сутокъ въ котлѣ съ водою; послѣ этого

разбиваютъ въ чугунныхъ или деревянныхъ ступахъ съ плоскимъ дномъ; для обработки иголъ въ большомъ видѣ можно употреблять жернова или чугунные вальки. Промятое волокно промывается и просушивается. Остающаяся отъ распариваемыхъ иголъ вода можетъ употребляться для цѣлебныхъ ваннъ, и изъ нея получается эфирное масло. По пріѣздѣ въ Барнаулъ С. И. возобновилъ работы съ сосновой шерстью, предлагалъ многимъ мастерамъ приготовлять ее, но никто не обратилъ на это вниманія.

Также неудачно шло распространеніе мочала для набивки матрацовъ изъ ирной травы (Acorus calamus). Вываривая въ щелокѣ съ известью стебли и листья ира, чтобы отдѣлить отъ волоконъ каменистыя вещества, С. И. получалъ чрезвычайно мягкое ароматическое мочало. Онъ предполагалъ, что имъ изобрѣтенное ирное волокно пойдетъ, какъ суррогатъ тряпья, при выдѣлкѣ писчей бумаги. Объ изслѣдованіяхъ своихъ онъ дѣлалъ сообщенія въ Общество поощренія русской торговли и промышленности, а также въ Общество попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ.

Въ это-же время С. И. ведетъ большую переписку о байкальскомъ горномъ воскѣ. Еще въ концѣ сороковыхъ годовъ, живши въ Петербургѣ, С. И. видѣлъ образцы горнаго воска (изокерита), найденнаго въ Галиціи близь Бориславля (недалеко отъ Львова). Въ то время находкѣ этой не придавали особеннаго значенія, такъ какъ не знали, что съ ней дѣлать; притомъ горные рабочіе по опыту убѣдились, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ встрѣчается горный воскъ, количество нефти очень не большое. Въ 1867 г. воскъ этотъ стали перерабатывать въ освѣтительные матеріалы; научились его выбѣливать, и добываніе значительно увеличилось. Въ 1869 году С. И. получилъ свѣдѣнія, что такой-же изокеритъ выбрасывается водой на берега Байкала и употребляется бурятами вмѣсто свѣчъ. Доставленные съ Байкала образцы горнаго воска были самаго высокаго качества, а потому, изслѣдовавъ свойства этого минерала, С. И. началъ пропагандировать приготовленіе изъ него различныхъ цвѣтовъ минеральнаго воска. Статью по этому вопросу „Байкальскій воскъ“ онъ помѣстилъ въ „Томскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ 1869 г. № 23. Предпринимателей не нашлось, однако, до сего времени.

Къ научнымъ трудамъ С. И. за это время относятся слѣдующіе: въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 21—23) напечатаны двѣ статьи: „О караванѣ, отправленномъ въ Пекинъ въ 1736 г. съ мягкою рухлядью“ *) и „Алтайскій кырлыкъ“. Въ слѣдующемъ 1870 году представлена въ Томскій Губернскій Статистическій Комитетъ статья „О сибирскихъ фламингахъ“, которая была напечатана въ „Томскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“. Въ іюнѣ того-же года сдѣлано сообщеніе въ Императорское Русское Географическое Общество „О народныхъ врачебныхъ средствахъ Западной Сибири, а 24 декабря послана въ тоже общество статья „О торговлѣ Западной Сибири съ Китаемъ“. Наконецъ въ концѣ 1870 года С. И. помѣстилъ въ „Русскомъ Архивѣ“ статью „О собранныхъ сенатскимъ секретаремъ Соболевымъ матеріалахъ о войнѣ съ Турками, кончившейся Кучукъ-Кайнарджирскимъ миромъ“. Кромѣ печатныхъ статей С. И. Гуляевъ съ 1867 по 1871 годъ собиралъ и отправлялъ въ различныя ученыя общества и спеціалистамъ различныхъ наукъ всевозможныя коллекціи *), велъ также научную переписку самую разностороннюю. По его дневному журналу значится, что въ четыре года отправлено дѣловыхъ писемъ 1478 номеровъ.

Работая въ области промышленности и торговли, С. И. за это время не оставлялъ своихъ филологическихъ изслѣдованій по собиранію этнографическихъ матеріаловъ. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ онъ нашелъ въ Алтайскомъ округѣ „золотаго человѣка“, какъ онъ выражался, пѣвца былинъ. Этотъ золотой человѣкъ былъ крестьянинъ деревни Ересной, слѣпой старикъ 72-хъ лѣтъ, крестьянинъ Тупицынъ. Онъ обладалъ обширнѣйшей памятью, зналъ много старинныхъ народныхъ пѣсенъ, заговоровъ и былинъ. Съ помощью

---

*) Подлинный путевой журналъ препровожденъ въ Императорское Русское Географическое Общество 16 марта 1869 г.

**) 17-го ноября 1867 года отправлена въ Императорское Русское Географическое Общество коллекція минераловъ; 6 декабря 1868 г. коллекція череповъ, найденныхъ въ золотой россыпи Каса въ киргизской степи; 3 декабря 1870 г. отправлена въ тоже Общество коллекція чудскихъ вещей. Въ Императорскую публичную библіотеку отправлены рукописи и книги 1-го октября 1869 г., 7-го января 1870 г. и 24 февраля отправлено нѣсколько рукописей въ Императорское Русское Географическое Общество.

Тупицына С. И. много пополнилъ ранѣе изданные этнографическіе очерки Южной Сибири и приступилъ къ составленію болѣе обширнаго этнографическаго труда, раздѣленнаго на двѣ части. Въ первой собраны историческія данныя о заселеніи Алтайскаго округа и развитіи въ немъ земледѣлія, скотоводства, горной промышленности и торговли; вторая часть представляетъ сборникъ былинъ, пѣсенъ съ переложеніемъ напѣвовъ на ноты; обычаевъ и обрядовыхъ пѣсенъ. Этотъ трудъ до сихъ поръ не напечатанъ и находится въ бумагахъ, оставшихся послѣ смерти С. И.

VIII.

Отдавая большую часть времени служебнымъ и научнымъ занятіямъ, С. И. не чуждался и общественныхъ интересовъ и, гдѣ нужно, горячо отстаивалъ правое дѣло. Въ это время злобой дня глубокой провинціи былъ вопросъ о Барнаульскомъ клубѣ. Барнаульскій клубъ—учрежденіе старое. По уставу въ члены его и гостями можно было приглашать лицъ всѣхъ сословій, „которые по образованію“ могутъ быть приняты въ порядочномъ обществѣ. До шестидесятыхъ годовъ обычными посѣтителями этого клуба были преимущественно инженеры и, такъ называемые, „свои люди“ изъ сословій купеческаго и чиновничьяго. Затрудненій въ общественныхъ отношеніяхъ по клубу не встрѣчалось.

Послѣ шестидесятыхъ годовъ, когда эмансипація стала проникать въ глубину провинцій, прежнее мелкое горное чиновничество, а также и лица другихъ сословій стали держать себя болѣе свободно по отношенію къ своимъ господамъ, горнымъ инженерамъ. Нѣкоторые изъ нихъ стали появляться въ Барнаульскомъ клубѣ, чѣмъ возбуждали неудовольствіе мѣстной аристократіи. Разъ въ 1868 году пришелъ въ клубъ уставщикъ Бронаковъ, и неудовольствіе, прежде скрываемое вспыхнуло... продолжаю разсказъ словами С. И.: „Г.г. члены-чиновники, находя это почему-то не соотвѣтствующимъ боярскимъ принципамъ, порѣшили измѣнить уставъ и составили постановленіе, чтобы канцелярскихъ не допускать въ высшую сферу. Затѣмъ студентъ Пѣшковъ, не зная объ этомъ ввелъ въ клубъ, въ качествѣ гостя, В. М. Климова, тоже уставщика. Нѣкоторые изъ членовъ (кажется Суд...кій и Сох...кій)

сейчасъ-же распорядились вывести Климова, а Пѣшкова хотѣли подвергнуть исключенію".

С. И. горячо протестовалъ противъ несправедливаго отношенія членовъ къ мелкому чиновничеству. Онъ указывалъ на статью устава, по которой гостями могутъ быть приняты всѣ лица, принимаемыя въ порядочномъ обществѣ; а Бронаковъ и Климовъ, хотя и принадлежатъ къ мелкому чиновничеству, но считаются людьми вполнѣ заслуживающими почтенія. С. И. доказывалъ, что члены клуба не имѣютъ права закрывать путь для мелкаго чиновничества къ облагороженному образу жизни, посредствомъ общенія съ образованными людьми.

Начальникъ горныхъ заводовъ былъ тогда въ Петербургѣ, а по пріѣздѣ въ Барнаулъ посѣтилъ два раза клубъ, а потомъ пересталъ. Не смотря на это ему посылались извѣщенія. Такимъ образомъ наканунѣ вступленія Государя на престолъ было послано извѣщеніе о семейномъ вечерѣ. Нѣкоторые члены, пришедши въ клубъ (Б...новъ), передали, что начальникъ не будетъ тамъ никогда, считая клубъ „обществомъ кухарокъ и сволочи". Нѣкоторые изъ членовъ приготовили заявленіе и просили начальника объяснить причины такого отзыва. Когда извѣстіе это сообщено было начальнику, то онъ, „безъ объясненій", чрезъ М...вскаго возвратилъ билетъ почетнаго члена. „Затѣмъ", пишетъ С. И., возвратили билеты Ч...инскій, Б...инъ, Пр...кій и другіе прогрессисты. Въ угоду начальству, они составили заявленіе закрыть клубъ, а имущество ликвидировать. С. И. съ юношеской горячностью (ему было 63 года) отстаивалъ необходимость общественнаго собранія. При баллотировкѣ вопроса о закрытіи клуба голоса раздѣлились по-ровну, и клубъ на время остался. Впослѣдствіи домъ, въ которомъ помѣщалось собраніе, горное вѣдомство отобрало у протестантовъ въ казну и они должны были нанять новое помѣщеніе. Такимъ образомъ, сформировалось въ Барнаулѣ всесословное общественное собраніе. С. И. Гуляевъ принималъ въ этомъ горячее участіе, не смотря на неудовольствія своего непосредственнаго начальника.

IX.

Лично познакомился я съ С. И. въ іюнѣ 1871 года въ бытность свою въ Барнаулѣ. Не смотря на то, что старику было

66 лѣтъ, онъ выглядывалъ могучимъ красивымъ мужчиной, съ легкой просѣдью въ головѣ и густыхъ усахъ (бакъ и бороды онъ никогда не носилъ). Онъ былъ теперь въ чинѣ Коллежскаго Совѣтника и имѣлъ въ петлицѣ орденъ Св. Владиміра за 35 лѣтнюю безпорочную службу. Выраженіе лица было всегда веселое, пріятное; движенія по возрасту живыя. По временамъ онъ участвовалъ въ дамскихъ кавалькадахъ, въ любительскихъ спектакляхъ, и, не смотря на почтенныя лѣта, былъ всегда самымъ желательнымъ кавалеромъ. Костюмъ имѣлъ обыкновеніе носить свободный и избѣгалъ новомодныхъ покроевъ. Его рабочій день начинался лѣтомъ съ 6-ти часовъ утра, когда онъ выходилъ въ свой садикъ, гдѣ до 8 часовъ работалъ съ лопатой и заступомъ надъ культурой разныхъ полезныхъ растеній. Въ 8 часовъ являлся къ утреннему чаю, обыкновенно съ книгой или газетой. Въ 9 часовъ уходилъ на службу и оставался тамъ до 2-хъ часовъ. Въ 2 часа онъ обѣдалъ въ кругу своей большой семьи и, почти всегда, нѣсколькихъ добрыхъ знакомыхъ. Послѣ обѣда шелъ къ своему письменному столу, за которымъ лежали, раскрытыя на извѣстной страницѣ, рисунки, окаменѣлости, препараты разныхъ производствъ, минералы. Здѣсь, съ трубкой въ рукахъ, отдавался онъ чтенію или рисованію два или полтора часа, а затѣмъ часъ отдыхалъ въ постели. Съ 4 или 5 часовъ С. И. работалъ въ саду, а затѣмъ послѣ вечерняго чая садился за книги и записки и оканчивалъ рабочій день далеко за полночь.

Я провелъ въ обществѣ С. И. цѣлый мѣсяцъ и убѣдился, что распредѣленіе дневныхъ занятій всегда одно и тоже. Бесѣдами его пользовался я или тотчасъ послѣ обѣда, или поздней ночью. Разностороннія свѣдѣнія о Сибири, горячее желаніе помочь ей въ экономическомъ благосостояніи всегда воодушевляли С. И. Среди коснаго провинціальнаго общества С. И. всегда былъ радъ свѣжему человѣку, предъ которымъ могъ излить свои чувства. Здѣсь онъ готовъ былъ дѣлиться всѣмъ запасомъ знаній, которыя скопилъ долголѣтними опытами. Всѣ коллекціи, весь архивъ бумагъ, являлся тогда въ подкрѣпленіе словъ.

Въ гостинной, въ клубѣ С. И. не любилъ ученыхъ бесѣдъ. Здѣсь разговоръ былъ чуждъ всякаго научнаго педантизма. Среди свѣтскаго общества С. И. былъ отличный разсказчикъ, прекрасно

декламировалъ и читалъ древнерусскія былины, отлично передавалъ различныя сцены Грибоѣдова, Гоголя, Фонвизина, зналъ множество юмористическихъ житейскихъ сценъ, очевидцемъ которыхъ онъ былъ самъ. Словомъ, въ обществѣ С. И. скучать было нельзя. Въ разговорѣ онъ не могъ выносить вульгарныхъ выраженій и строго преслѣдовалъ за нихъ собесѣдниковъ, кто-бы они ни были. Никогда онъ не позволялъ себѣ простыхъ халатныхъ отношеній даже къ самымъ близкимъ знакомымъ. Въ разговорѣ съ супругой называлъ ее не иначе, какъ Александра Филипповна. — „Ахъ, Александра Филипповна, оставимте это!“ говорилъ онъ, когда бесѣда случайно вступала на почву городскихъ сплетенъ или покроя платья, или даже просто смѣшныхъ сторонъ городскихъ знакомыхъ: „Ахъ, Александра Филипповна, оставьте, пожалуйста, этотъ разговоръ; въ нашемъ распоряженіи музыка, искусство, науки; перейдемъ на другія темы!“ — И всегда первый перемѣнялъ направленіе бесѣды.

С. И. любилъ сценическое искусство и всегда поощрялъ къ нему своихъ дѣтей. Будучи порядочнымъ художникомъ, онъ помогалъ молодымъ людямъ въ устройствѣ маскарадовъ и костюмированныхъ вечеровъ. Онъ любилъ когда молодежь веселится, поощрялъ ее къ тому и самъ даже принималъ участіе. Въ карты въ домѣ С. И. играли только во время парадныхъ вечеровъ, когда собирались старички, горные служаки. Въ обыкновенныя вечеринки бесѣды, пѣніе и музыка наполняли весь вечеръ. Разговоры о политикѣ въ гостинной С. И. не долюбливалъ; о реформахъ текущаго времени и экономическомъ состояніи Россіи дозволялъ себѣ говорить только въ своемъ кабинетѣ. Относительно крестьянской реформы С. И. былъ того мнѣнія, что „каждое крупное преобразованіе въ крестьянскомъ быту, какъ брошенное сѣмя, будетъ имѣть время прорости, вырости и созрѣть, только тогда, когда почва для этого будетъ подготовлена. Дайте больше школъ, растолкуйте крестьянамъ ихъ обязанности, научите ихъ пользоваться свободой, — тогда и давайте имъ самоуправленіе. Необходимо время, чтобы всѣ улучшенія въ крестьянскомъ быту принесли свои плоды. Нужно распространять всяческймъ образомъ здравыя и благородныя идеи въ низшихъ классахъ народа посредствомъ болѣе образованнаго духовенства, посредствомъ школъ, которыя должны быть органически тѣсно соединены съ церковью.“ Слово у С. И. не шло

далеко отъ дѣла. По его почину и на его небольшія средства открыта была въ Барнаулѣ первая читальная и библіотека; потомъ при ней открыта типографія.

Въ декабрѣ 1871 года С. И. былъ командированъ въ Петербургъ для препровожденія каравана съ серебромъ. Чрезъ восемь лѣтъ послѣ первой командировки онъ нашелъ въ Петербургѣ большіе перемѣны; старыхъ друзей осталось немного. Оставаясь тамъ съ января до мая, С. И. собиралъ въ архивныхъ дѣлахъ свѣдѣнія о торговыхъ сношеніяхъ съ Джунгаріею въ прежнее время, а также получилъ различныя указанія и програмы для изслѣдованія Сибири. Къ этому времени относится его личное знакомство съ Карломъ Федоровичемъ Кесслеромъ, препараторомъ Гейзеромъ и профессоромъ ботаники Баталинымъ. Предъ отъѣздомъ своимъ въ Петербургъ имъ написаны были слѣдующія статьи: для Императорскаго Русскаго Географическаго Общества „Солеродное озеро Карабашъ" (напечатана въ Извѣстіяхъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества т. VII № 4) и „О горномъ маслѣ въ Енисейской губерніи (Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества № 8 1871 г.).

X.

Возвратившись въ іюлѣ 1872 г. въ Барнаулъ, С. И. приступилъ къ обыденнымъ своимъ занятіямъ съ усиленной энергіей. Первое время онъ велъ обширную переписку, отыскивая на Алтаѣ и въ киргизской степи литографный камень; поиски эти были неудачны, но вмѣсто литографнаго камня были найдены прекрасные сорта каолиновыхъ глинъ. Въ теченіе 1872 и 1873 годовъ; кромѣ статей въ „Голосѣ" (О серебряныхъ пріискахъ въ Охотскомъ краю) и въ „Русскомъ Мірѣ" (О каменномъ маслѣ), С. И. напечаталъ въ трудахъ Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества „О разведеніи въ Томской губ. тонкорунныхъ овецъ русской породы". По поводу этой статьи въ тѣхъ-же трудахъ Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества И. П. Ильинъ далъ весьма лестный отзывъ и выразилъ предложеніе Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества оказать содѣйствіе начавшемуся тонкорунному овцеводству въ Сибири. По этому-же вопросу впослѣдствіи въ

1875 году была помѣщена особая статья въ „Томскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 33) подъ названіемъ „Длинношерстыя овцы на Алтаѣ.“

Въ началѣ 1874 года С. И. занялся посѣвами въ окрестностяхъ Барнаула мало извѣстнаго тогда прядильнаго растенія, называемаго кендырь (Apocinium sibiricum), которое растетъ въ дикомъ состояніи по рѣкамъ, впадающимъ въ озера Балхашъ и Норъ-Зайсанъ*), и доставляетъ пеньку весьма большой крѣпости и необыкновенной бѣлизны. С. И. выростилъ изъ сѣмянъ этого растенія въ своемъ саду и образцы его съ сѣменами, куделью и пряжею представилъ въ общества Вольно-Экономическое, Акклиматизаціи, Садоводства, Техническое и Ботаническій садъ. По порученію общества Садоводства опыты надъ кендыремъ, посланнымъ Гуляевымъ, производились на тюлевыхъ заводахъ Глинца. Вотъ что писалъ объ этомъ растеніи С. И. 7 ноября 1873 г. въ Омскъ: „Разведеніе кендыря здѣсь и въ Россіи будетъ, конечно, полезно и найдетъ обширное примѣненіе въ общежитіи. Оно, какъ многолѣтнее растеніе, не требуетъ ежегодныхъ посѣвовъ и уходовъ. Выдерживаетъ большія засухи и неприхотливъ въ почвѣ. Не лишнимъ считаю посовѣтывать: если будете дѣлать опыты посѣва кендыря въ Омскѣ, то мѣшайте сѣмена съ нѣсколько влажнымъ пескомъ, иначе оно по легкости своей разлетается; хорошо къ землѣ прибавлять толченаго кирпича, потому что почва, на которой растетъ кендырь въ дикомъ состояніи, глинисто-мергельная, и кирпичъ на этотъ разъ можетъ замѣнить мергель“.

Въ 1874 году С. И. узналъ, что крестьяне деревни Ересной и другихъ мѣстъ Алтайскаго округа собираютъ на берегахъ озера какую-то маслянистую жидкость подъ названіемъ „водяна-

*) Волокна кендыря употребляются киргизами только на выдѣлку весьма прочныхъ веревокъ. Пряжа кендырная отличается необыкновенной крѣпостью. Опыты тканья изъ кендыря были произведены въ заведеніи Грундштрема и удались, какъ нельзя лучше. Изъ 10 фунтовъ кендыря приготовлено 2½ фунта чесанаго волокна. Опыты, произведенные на тюлевомъ заводѣ Глинца, показали весьма важное достоинство этого матеріала, состоящее въ томъ, что при необыкновенной прочности онъ отлично принимаетъ бѣленіе. Выдѣланные очески не уступаютъ въ бѣлизнѣ хлопчатой бумагѣ и имѣютъ шелковистый блестящій видъ. Кендырь-растеніе многолѣтнее, собирается киргизами зимою ихъ-подъ снѣга. Веревки изъ него въ два съ половиной раза крѣпче пеньковыхъ и продаются отъ 2 до 6 руб. пудъ. (Статья о кендырѣ помѣщена въ „Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ“ 30 августа 1870 года).

го масла“ и употребляютъ ее отъ глазныхъ болѣзней. Въ письмѣ отъ 4-го марта 1874 г. онъ писалъ: „Разсмотрѣвъ нынѣ то, что нѣкоторые изъ здѣшнихъ жителей называютъ „водянымъ масломъ“, я вижу въ немъ вещество органическаго происхожденія. Оно заключено въ шарикахъ зеленаго цвѣта и легко растворяется въ водѣ. Послать ихъ теперь въ Омскъ нельзя, потому что вода можетъ замерзнуть. Подожду лѣта и разъясненій К. Ѳ. Кесслера“. Заинтересовавшись этимъ видомъ растенія, авторъ настоящей статьи просилъ доктора медицины Думберга, ревностнаго ботаника, заняться опредѣленіемъ, такъ называемаго, водянаго масла. Г. Думбергъ любезно сообщилъ, что, по его микроскопическимъ изслѣдованіямъ, эта шаровидная водоросль принадлежитъ къ семейству Nostococaceae. Крестьяне употребляютъ жидкость, заключающуюся въ клѣткахъ, отъ глазныхъ болѣзней и продаютъ иногда на базарахъ и улицахъ.

За время съ 1873—1875 годъ С И. помѣстилъ нѣсколько сообщеній въ Вѣстникѣ Императорскаго Россійскаго общества Садоводства (о растеніяхъ коарѣ, о лукѣ, чеснокѣ и проч.) и въ Томскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1873 г. „О мамонтѣ близь Тазовской губы“. Въ декабрѣ 1874 г. онъ былъ избранъ членомъ-сотрудникомъ Императорскаго Общества любителей Естествознанія при Московскомъ университетѣ. Видимо, вниманіе ученыхъ обществъ интересовало С. И. (интересъ весьма естественный — въ такой далекой глуши, гдѣ можно совершенно одичать и отвыкнуть отъ научныхъ трудовъ). Вотъ что онъ пишетъ по этому поводу (20 января 1875 г.) „.... 14 января я получилъ увѣдомленіе отъ Совѣта Императорскаго Московскаго Общества любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи о томъ, что общество, впослѣдствіе предложенія отдѣла Этнографіи, въ засѣданіи своемъ, единогласно избрало меня въ свои члены-сотрудники и т. д.... Сюрпризъ пріятный, но прибавляющій новый трудъ“. „Къ счастью, у меня накопилось довольно таки матеріаловъ по Этнографіи, уже обработанныхъ, остается только переписать. Вчера получилъ еще письмо отъ Баталина о доставленіи въ ботаническій садъ разныхъ предметовъ Алтайской растительности, сѣмянъ здѣшнихъ деревьевъ, ягодъ, растеній лѣкарственныхъ, красильныхъ и т. п. Нужно этимъ заняться“.

XI.

Въ 1875 году ожидали въ Западную Сибирь новаго Генералъ-Губернатора Николая Геннадіевича Казнакова. Слухъ о томъ, что это человѣкъ гуманный, добрый, человѣкъ обширныхъ административныхъ познаній, распространился по всей Сибири. Всѣ ждали преобразованій, общество на время оживилось. Въ нѣкоторыхъ городахъ начали устраиваться литературные вечера и публичныя лекціи, что при прежнемъ Генералъ-Губернаторѣ не всегда было дозволительно. Вотъ что писалъ С. И. 12 апрѣля 1875 года: „Новый Генералъ-Губернаторъ остается пока въ Петербургѣ, вѣроятно, для окончательнаго разсмотрѣнія проекта о судоустройствѣ и управленіи степными областями. Въ ожиданіи будущихъ благъ, мы какъ будто ожили. Предполагали даже устроить въ нашемъ собраніи, вмѣсто картъ, литературные вечера. Въ чтеніи хотѣли принять участіе четверо пріѣхавшихъ изъ Россіи молодыхъ учителей въ духовное училище, но высшія власти запретили имъ, также какъ и чтеніе лекцій не по учебникамъ. Будемъ ждать лучшаго будущаго. Недавно я получилъ отъ М. К. С....ова изъ Петербурга письмо, въ которомъ онъ, между прочимъ, говоритъ, что новый Генералъ-Губернаторъ долженъ быть отличнымъ администраторомъ. Теперь онъ собираетъ свѣдѣнія о народномъ образованіи въ Сибири. Нужно писать по этому предмету въ „Голосъ". Въ Ботаническій садъ я отправилъ нынѣ довольно таки предметовъ, а также статей въ Общества: Экономическое, Садоводства и Акклиматизаціи. Недавно, скажу кстати, встрѣтился съ одною замѣчательною личностью, молодою дѣвушкою. Змѣиногорскою урожденкою, дочерью урядника. Она отъ природы получила особое дарованіе къ живописи, но дарованіе еще не развитое. Умственныя способности ея также замѣчательны, самая рѣчь не похожа на здѣшнее нарѣчіе,—словомъ, между барышнями даже я не встрѣчалъ подобнаго субъекта. Дѣвушка эта по фамиліи Черепанова; отецъ ея давно померъ, а мать вышла замужъ за мѣщанина. Однажды, гдѣ-то на станціи, увидавъ книгу на французскомъ языкѣ, она такъ заинтересовалась, что достала какой-то самоучитель и сама научилась читать. Стремится какъ-бы пробраться въ Петербургъ. Недавно она написала икону „Благовѣщенія" въ Димитріевскую церковь. Принимая живое участіе въ столь талантливой дѣвушкѣ,

я снабдилъ ее нѣкоторыми вещами для рисованія, въ чемъ она нуждалась, и показалъ ей нѣсколько пріемовъ въ рисованіи (....) *) Не знаю, что выйдетъ изъ нея со временемъ, но нужно открыть во чтобы ни стало дорогу къ искусству и къ образованію, о которыхъ она постоянно думаетъ".

С. И. не рѣдко способствовалъ выдающимся личностямъ пролагать себѣ дорогу въ столицы для дальнѣйшаго развитія. Такъ, въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ, замѣтивъ обширный голосъ у одного изъ преподавателей Барнаульскаго духовнаго училища Матчинскаго, онъ поспособствовалъ ему добраться до Петербурга. Тамъ на Матчинскаго обратили вниманіе. Сначала онъ поступилъ въ капеллу, а потомъ въ русскую оперу. Въ роли Бертрана въ „Робертѣ" онъ обратилъ своимъ голосомъ особенное вниманіе Великаго Князя Константина Николаевича.

Въ ожиданіи преобразованій по народному образованію, которое, по выраженію С. И., идетъ въ Сибири „такъ себѣ", онъ писалъ чрезвычайно интересныя замѣтки въ газетѣ „Голосъ" и „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ". «Вчера, 3 мая, **) пишетъ С. И., я получилъ отъ М...ва въ Петербургѣ весьма интересную телеграмму, о которой спѣшу сообщить Вамъ, И. Я. Помѣщаю здѣсь ее вполнѣ. „Казнаковъ исходатайствовалъ согласіе учредить университетъ въ Западной Сибири; ваши статьи Биржевыхъ Вѣдомостяхъ 1875 г. № 123 и письма помогли". Вѣроятно, получу и подробное письмо, которое конечно разъяснитъ какимъ образомъ мои скромныя заявленія, не разъ изустно и письменно высказанныя въ кружкѣ моихъ друзей въ Петербургѣ, могли повліять на дѣло. Я не люблю рисоваться; но не скрою, что пріятно было читать телеграмму, въ которой приписывается мнѣ крохотная доля участія. Дай Богъ, чтобы скорѣе все осуществилось (....) Теперь нужно работать, потому что университету нужны коллекціи; нужно собирать и сберегать сибирскія древности. Осенью прошлаго года при

*) Точки, помѣщенныя въ скобкахъ, означаютъ какъ въ этомъ мѣстѣ, такъ и въ слѣдующихъ, нами выпущенныя фразы въ письмахъ.

**) Письмо С. И. 4 мая 1875 года.

тушеніи лѣснаго пожара въ Инскомъ бору, близь Сузунскаго завода, одинъ изъ крестьянъ, копавшихъ канаву, наткнулся на древній вызолоченный шлемъ и близь его на мѣдный же котелокъ. Узнавъ объ этой замѣчательной находкѣ отъ Думберга, я началъ собирать справки, подтвердившія находку, которую многіе видѣли, въ томъ числѣ Ганевинкель, завѣдующій лѣсною дачею въ Сузунѣ (....) Я узналъ на этихъ дняхъ, что будто бы пріѣзжій изъ Омска какой-то чиновникъ купилъ шлемъ и увезъ въ Омскъ. Заинтересованный находкою, прошу Васъ, Н. Я., немедленно разузнать, гдѣ шлемъ, снять рисунки и присмотрѣть, чтобы не уплылъ въ русскіе музеи. Храните ее для университета*). Меня 26 апрѣля избрали членомъ-соревнователемъ общества для содѣйствія Русскому торговому мореходству; не знаю, могу-ли оправдать хоть чѣмъ-нибудь это избраніе. По другимъ ученымъ обществамъ я все-таки могу быть полезнымъ, а въ торговомъ мореходствѣ совершенный профанъ.

XII.

1875 годъ былъ для Западной Сибири годомъ розовыхъ надеждъ. Съ пріѣздомъ Генералъ Губернатора Н. Г. Казнакова, человѣка высоко образованнаго и крайне доступнаго, ожидали открытія университета, ожидали судебныхъ реформъ и обновленія администраціи. Тѣмъ временемъ Норденшельдъ на суднѣ „Превенъ" (попытка) вошелъ сѣвернымъ моремъ въ Енисей! Это возбудило серію новыхъ надеждъ. Семидесятилѣтній старикъ С. И. на-равнѣ съ молодежью лелѣялъ эти надежды.

„Слушайте и умиляйтесь, Н. Я. *) Вамъ вѣдь неизвѣстно еще, что 15 августа прибылъ къ устью Енисея корабль сѣверополярной шведской экспедиціи? Объ этомъ, имѣющемъ великое значеніе, событіи я получилъ письмо 1 октября отъ Ивана Васильевича Кускова и тотчасъ же телеграфировалъ въ Географическое общество и Михаилу Константиновичу Сидорову, который не мало

---

*) Этотъ шлемъ пріобрѣлъ бывшій въ Сузунскомъ заводѣ Главный Инспекторъ училищъ Западной Сибири Максимовъ и хранилъ его въ своей канцеляріи какъ рѣдкость. Когда открылся Томскій университетъ, шлемъ былъ отправленъ въ музей и хранится тамъ подъ № 1504.

*) Письмо 6 октября 1875 года.

старается для отысканія пути въ Сибирь. Норденшельдъ увѣряетъ, что отъ Тромсе до Енисея всего только три дня плаванія! Подумайте, три дня пути! (....) Послѣдствія этого важнаго открытія будутъ не исчислимы для будущности Сибири и всего образованнаго міра. Такимъ образомъ слава открытія давно отыскиваемаго пути (обидно говорить) принадлежитъ потомкамъ Норманновъ — не завоевателей, но мирныхъ тружениковъ науки. 15 августа „Превенъ" бросилъ якорь въ устьяхъ Енисея. Пароходъ Баландина, принявъ дорогихъ нежданныхъ гостей, доставилъ ихъ въ Енисейскъ; потомъ они сухимъ путемъ прибыли въ Красноярскъ. Въ Красноярскѣ путешественники отправились прямо въ гимназію, гдѣ объяснились на латинскомъ языкѣ.. . Ждали мы главнаго начальника края Казнакова, но онъ не удостоилъ насъ своимъ посѣщеніемъ. Послѣ осмотра нашихъ городовъ Кузнецка и Бійска, онъ, говорятъ, намѣренъ былъ посѣтить и Барнаулъ 2 августа; но изъ Томска получилась телеграмма, что онъ захворалъ и отправился прямо въ Омскъ. Мы намѣрены были встрѣтить его самымъ достойнымъ образомъ: заготовили записки по разнымъ вопросамъ, отъ разрѣшенія которыхъ зависитъ благосостояніе города и края (....). Пріѣзжалъ архіерей 22 числа, служилъ обѣдню въ Дмитріевской церкви. Не большой, но превосходный хоръ пѣвчихъ изъ 12 человѣкъ доставилъ удовольствіе. Вечеромъ пѣвчіе были у меня, пѣли русскія и малороссійскія пѣсни и пробыли далеко за полночь. Регентъ, старшій братъ Матчинскаго, обладаетъ такимъ-же, если еще не лучшимъ голосомъ (....). Прошу обратить вниманіе на чернила, которыми пишу: они приготовлены изъ отвара ветловой коры (вмѣсто чернильныхъ орѣшковъ) съ молодыхъ деревьевъ. Дешево и хорошо. Я напалъ на эту мысль, приготовляя для отсылки въ музей Ботаническаго сада, по просьбѣ Баталина, ветловое лыко, имѣющее замѣнить липовое мочало».

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1875 года С. И., узнавъ, что подъ начальствомъ полковника М. В. Пѣвцова снаряжается экспедиція въ Монголію, писалъ слѣдующее: *) „Въ виду предполагаемой экспедиціи въ Монголію, П. Я, не лишне было-бы имѣть въ виду

*) Письмо 9 ноября 1875 г.

мою статью, которая пока въ рукописи „О торговыхъ сношеніяхъ съ Джунгаріею въ прежнее время и съ Западною Монголіею въ настоящее время“. Статья эта написана была по вызову Географическаго Общества въ 1871 году; но такъ какъ членъ общества Н. С. Щукинъ заключилъ напечатать ее не вполнѣ, а въ извлеченіи, то я, бывши въ 1872 году въ Петербургѣ, и взялъ ее обратно (....). По случаю политическихъ событій въ Средней Азіи надо будетъ немного ее дополнить; но и безъ того она заключаетъ весьма интересныя свѣдѣнія, не многимъ извѣстныя, извлеченныя мною изъ разныхъ архивовъ въ Петербургѣ. Издателя не нахожу; если печатать самому въ нашей типографіи, то понадобится 500—600 руб., а этого запасу и нѣтъ. Не напечатаетъ-ли Западно-Сибирскій Отдѣлъ Географическаго общества». P. S. «Вотъ интересный предметъ: на берегахъ Иртыша попадаются кусочки графита. Можно думать поэтому, что гдѣ-либо вверху есть его мѣсторожденіе; но я скажу, что купецъ Степановъ не разъ отправлялъ по Иртышу на баржахъ графитъ въ Златоустъ. Нужно искать: гдѣ-нибудь выше Омска есть залежи графита (....) Нѣтъ-ли у Васъ вблизи Иртыша колчадановъ? Нужно для устройства близь Томска химическаго завода К° Свѣшникова и Данилова (....). Пріѣздъ Шведовъ дастъ толчекъ торговому движенію и, конечно, въ недалекомъ будущемъ, преобразуетъ сибирскій пустынный край, изобилующій множествомъ богатствъ (....). Справка въ дѣлахъ подтверждаетъ Ваши соображенія; проѣзжавшій на этихъ дняхъ изъ Енисейска купецъ Давидъ Никол. Ростовцевъ свидѣтельствуетъ, что было время, когда дѣйствительно торговцы пробирались изъ Обской губы чрезъ полуостровъ Ямалъ въ Карское море».

XIII.

Генералъ-Губернаторъ Николай Геннадіевичъ Казнаковъ до отъѣзда своего изъ Петербурга въ Сибирь интересовался, между прочимъ, сочиненіемъ „Замѣтки объ Алтайскихъ горныхъ заводахъ“ и вообще матеріалами объ Алтайскомъ горномъ округѣ. Петербургскіе друзья спрашивали С. И. не сохранилась-ли у него, какъ у автора, брошюра объ Алтайскихъ заводахъ. Такъ какъ Казнаковъ былъ въ это время уже въ Омскѣ, то Гуляевъ и направилъ туда требуемыя справки объ Алтайскомъ горномъ округѣ.

Въ письмѣ своемъ отъ 16 ноября 1875 г. онъ пишетъ: Въ 1855 году «по предложенію бывшаго у покойнаго графа Льва Алексѣевича Перовскаго секретаремъ В. М. Лазаревскаго, я написалъ „Замѣтки объ Алтайскихъ заводахъ"; но по случаю происходившей тогда восточной войны и послѣдовавшей вскорѣ послѣ того смерти графа, записка моя, довольно объемистая, попала въ число бумагъ, находившихся въ его кабинетѣ и съ нимъ вмѣстѣ была запечатана. Потомъ по разборѣ бумагъ помянутую статью мнѣ возвратили, а въ 1864 году, когда я былъ въ Петербургѣ, передалъ ее князю Визапурскому, у котораго она находится и до настоящаго времени (....) Черновая осталась у меня съ особой копіей съ моихъ соображеній, въ концѣ записки приложенныхъ. Посылаю Вамъ, И. Я., эту записку вмѣстѣ съ слѣдующими документами: 1) Приготовленную для помѣщенія въ какой либо газетѣ статью „О предполагавшемся Генералъ-Губернаторомъ Западной Сибири Капцевичемъ центральномъ высшемъ училищѣ въ Сибири" (....) 2) Соображенія о составленіи сборниковъ, заключающихъ карты данной мѣстности и планы городовъ, статистическія, географическія и другія свѣдѣнія по плану графа Сперанскаго. 3) Таблицу высотъ разныхъ мѣстъ надъ уровнемъ моря. 4) Статью объ учебныхъ заведеніяхъ въ Алтайскомъ округѣ, написанную въ 1858 году по желанію друга моего Чумакова для журнала „Воспитаніе". Предоставляю Вамъ, И. Я. если случится быть у Генералъ-Губернатора, представить Его Высокопревосходительству эти статьи (кромѣ таблицы высотъ), разумѣется, если признаете это удобнымъ (....) Нужно прибавить еще, что о здѣшнемъ краѣ напечатана была мною статья въ издаваемомъ Эрдманомъ, по мысли Министра Финансовъ графа Канкрина, въ Берлинѣ: Archiv für Wissenschaftliche Kunde von Russland на 1851 годъ, подъ заглавіемъ „Очеркъ Колывано-воскресенскихъ заводовъ". (....). P.S. Въ случаѣ назначенія ученой экспедиціи на Ялмалъ обратите вниманіе кого слѣдуетъ на поиски каменнаго угля, янтаря и нефти. Сдается, что они тамъ есть (....)

Генералъ-Губернаторъ Н. Г. Казнаковъ отнесся къ представленнымъ ему отъ С. И. статьямъ въ высшей степени внимательно. Представляя Генералъ Губернатору рукопись „О центральномъ высшемъ училищѣ въ Сибири", С. И. имѣлъ въ виду узнать

взглядъ Н. Г. Казнакова, чтобы, поспѣшивъ напечатаніемъ ея, не повредить общему направленію ходатайствъ по этому вопросу. Только ободренный вниманіемъ Казнакова, онъ рѣшился помѣстить ее газетной статьей.

31 Декабря 1875 г. С. И. пишетъ: «Благодарю Васъ, И. Я., за доставленныя свѣдѣнія. Особенно пріятно было читать о томъ, что Генералъ-Губернаторъ сочувственно относится къ моимъ замѣткамъ о предположеніи Кацевича на счетъ университета (....). Предоставляю Вамъ помѣстить эту статью въ „Акмолинскихъ Вѣдомостяхъ“, только безъ моей подписи и съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи редакція доставила мнѣ 10 экземпляровъ. Сочиненіе „О торговыхъ сношеніяхъ съ Джунгаріею“ я предложилъ напечатать „Обществу содѣйствія русской торговлѣ“, но отвѣта не получилъ. Статья моя заключаетъ интересныя свѣдѣнія, не извѣстныя въ литературѣ, о столкновеніяхъ нашихъ съ Джунгарскими ханами и потомъ съ китайцами; съ первыми по поводу занятія южной Сибири при Петрѣ, а съ послѣдними по пограничнымъ дѣламъ. Хорошо бы получить за статью гонораръ,— труда было много; поговорите при случаѣ съ кѣмъ слѣдуетъ».

«Желательно, чтобы осуществилась Ваша прекрасная мысль устроить въ Омскѣ центральную библіотеку и собрать по возможности все существенно важное, что было напечатано о Западной Сибири. Какъ это полезно бы было для администраторовъ! Подобныя библіотеки слѣдовало-бы учредить при всѣхъ центральныхъ управленіяхъ, вмѣстѣ съ музеями, экономическими и естественно-историческими (....).»

Далѣе С. И. въ этомъ письмѣ предлагаетъ свои содѣйствія словомъ и дѣломъ къ осуществленію предпріятія. Мысль объ учрежденіи центральной библіотеки была оставлена въ виду учрежденія, по ходатайству Генералъ-Губернатора Западной Сибири Н. Г. Казнакова, въ Омскѣ Западно-Сибирскаго отдѣла Императорскаго Географическаго общества.

Открытіе сѣвернаго пути въ Сибирь и дальнѣйшія экспедиціи крайне интересовали въ это время С. И. По этому поводу онъ велъ оживленную переписку со своимъ старымъ другомъ по Петербургу. Въ одномъ изъ писемъ 2 Января 1876 года пишетъ С. И.: «М. К. С...овъ въ телеграммѣ 13 Декабря передалъ

поклонъ отъ Норденшельдта и Виггенса, а 29 Декабря прислалъ и письмо, въ которомъ пишетъ: „И такъ, мы отчествовали Норденшельдта и Виггенса; съ послѣднимъ простились сегодня (6 Декабря). Такимъ образомъ, цѣлый мѣсяцъ прошелъ въ хлопотахъ съ мореплавателями о возможно лучшемъ пріемѣ. Если-бы не наше общество мореходства, то путешественники остались бы не замѣченными (?!) (....). Л...ке, будучи не доволенъ къ тому, кто низпровергъ его теорію, вернулъ во время засѣданія стулъ и сѣлъ къ нему спиною. Гость всталъ и перешолъ на другое отдаленное мѣсто. Послѣдствіемъ торжественнаго принятія гостей было пожертвованіе на будущія экспедиціи съ моря: для Норденшельдта 25000, для Виггинса 30000. Общества торговли и мореходства ходатайствуютъ предъ правительствомъ для изслѣдованія фарватера устья Оби. У насъ вырабатывается отличная программа руководства для изслѣдованія Обскаго залива, цѣлой коммиссіей подъ предсѣдательствомъ адмирала Невельскаго. Енисейскій голова Ф...усовъ отвѣтилъ отказомъ на содѣйствіе къ пожертвованію, объявляя, что Енисейцы устьемъ Енисея не заинтересованы, а только думаютъ о соединеніи Енисея съ Обью (....) Здѣсь предполагаютъ учредить комитетъ для споспѣшествованія скорѣйшему устройству университета; отъ Вашего генерала поступило уже представленіе и принимается здѣсь, въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, съ особымъ радушіемъ».

XIV.

Выше было говорено, что С. И. еще въ 1864 году принималъ горячее участіе въ ходатайствѣ объ учрежденіи Барнаульской Гимназіи. По этому вопросу состоялось Высочайшее повелѣніе, а въ 1867 году съѣхался штатъ учителей *); однако, на все это

*) Вопросъ о Барнаульской Гимназіи шелъ слѣдующимъ образомъ:

По Высочайше утвержденному 7 Мая 1858 г. докладу повелѣно: 1) составить новый проэктъ штата и положенія для Барнаульскаго училища, 2) приступить немедленно къ увеличенію и перестройкѣ училищнаго зданія, приглашенію учителей языковъ, съ употребленіемъ до 20-ти т. руб. изъ экономическаго училищнаго капитала. Послѣ этого, по ходатайству чиновниковъ (67 лицъ) послѣдовало Высочайшее соизволеніе 23 Іюня 1867 г. объ учреж-

не обращалось должнаго вниманія, и гимназія не открыта до сихъ поръ. Вотъ что писалъ покойный С. И. по этому поводу (3 Февраля 1876 года): «Шутники говорятъ, что С...кій боится выдвинуть съ открытіемъ гимназіи новый элементъ людей образованныхъ (которые станутъ-де писать печатныя корреспонденціи о мѣстныхъ распорядкахъ), подобно тому, какъ до нынѣшняго царствованія полковые и воинскіе начальники противились учрежденію школъ и обученію грамотѣ солдатъ въ виду боязни, что они, сдѣлавшись грамотными, станутъ писать и подавать жалобы на своихъ командировъ. Съ этою же видно цѣлью солдатамъ не дозволялось посѣщать Императорскую публичную библіотеку, чтобы не набрались книжной премудрости».

Былъ слухъ, распространенный сопровождавшими въ Петербургъ караванъ съ золотомъ чиновниками, что будто бы Министерство спрашивало Кабинетъ: почему не открывается въ Барнаулѣ гимназія: и кромѣ этого Главный Инспекторъ училищъ Западной Сибири вошелъ въ сношеніе съ начальникомъ Алтайскихъ горныхъ заводовъ о томъ, что гимназія, въ виду учрежденія Томскаго университета, крайне необходима. Однако, въ виду безчисленныхъ безъуспѣшныхъ ходатайствъ объ учрежденіи Барнаульской гимназіи, мѣстная администрація и городское управленіе не рѣшалось вновь надоѣдать горному начальству по тому же вопросу подобными прежнимъ ходатайствами. Рѣшено было поднять вопросъ объ открытіи въ Барнаулѣ не гимназіи уже, а университета въ томъ соображеніи, что если не дадутъ университета, то дадутъ по крайней мѣрѣ гимназію. Вопросъ объ учрежденіи университета тогда былъ уже почти рѣшенъ въ пользу Томска.

Вотъ что пишетъ объ этомъ С. И. (письмо 3 Января 1876 г.): «Въ Томскъ пріѣзжалъ архитекторъ изъ Омска для осмотра мѣста подъ постройку университетскаго зданія. Такимъ образомъ, выборъ города рѣшенъ. Конечно, въ отношеніи центральности, Томскъ

деніи, въ замѣнъ гимназическаго курса, введеннаго въ горномъ училищѣ, гимназіи. Приступлено къ перестройкѣ зданія для гимназіи, постройкѣ квартиры Директора или Инспектора, оконченной въ 1869 г. Въ 1871 г. служащіе на заводахъ чиновники, въ числѣ 120, ходатайствовали чрезъ начальство алтайскихъ заводовъ о скорѣйшемъ приведеніи въ исполненіе Высочайшей воли, объ открытіи гимназіи, но отвѣта не получили.

наиболѣе соотвѣтствуетъ этому условію, но я позволяю себѣ высказать другія соображенія. Самая значительная, если только не большая часть тамошняго населенія состоитъ изъ сосланныхъ на поселеніе или на временное жительство изъ Россіи за проступки и преступленія уголовныя и политическія, людей развитыхъ, но нравственно испорченныхъ, которые, сближаясь съ обучающимся въ университетѣ юношествомъ, могутъ имѣть неотразимое на него вліяніе, увлекать ихъ отъ научныхъ интересовъ къ соблазнамъ, хотя бы университетъ былъ даже и закрытымъ заведеніемъ. Если въ нашихъ и другихъ католическихъ монастыряхъ происходятъ возмутительныя происшествія, то они наиболѣе возможны въ средѣ молодежи, не стѣсняемой строгимъ надзоромъ, который, неминуемо, потребуетъ учрежденія особой полиціи для наблюденія за домашнею жизнію каждаго студента; но учреждать одновременно съ учебнымъ заведеніемъ, батальоны и жандармскія команды будетъ крайне неумѣстною мѣрою. Самая жизнь въ Томскѣ не дешева, что весьма важно въ экономическомъ отношеніи и для студентовъ, и профессоровъ, тѣмъ болѣе, что значительная часть студенческаго контингента будетъ принадлежать къ людямъ недостаточнымъ. Климатъ тамошній суровъ до того, что въ зимнюю пору не разъ прекращаются лекціи въ гимназіи и др. заведеніяхъ. Мѣсто, избираемое или жертвуемое городскимъ управленіемъ для постройки университетскихъ зданій, находится, говорятъ, на окраинѣ города, гдѣ не найдется никакого помѣщенія для бѣдняковъ-студентовъ, которые должны таскаться на лекціи по непроходимой топкой грязи, покрывающей весною и осенью и въ дождливую пору улицы, не смотря на принимаемыя городскимъ управленіемъ мѣры противъ этой пятой стихіи, которую встрѣтилъ, какъ извѣстно, Наполеонъ I въ Литвѣ, во время похода въ Россію. Если существующіе нынѣ у насъ университеты и находятся (за исключеніемъ Юрьевскаго) въ губернскихъ городахъ, то мѣстныя условія послѣднихъ совершенно не подходятъ къ Томску. Для университетовъ нужны города не многолюдные, не представляющіе, кромѣ театровъ, другихъ грубыхъ развлеченій; нужны города, подобные Юрьеву, Гейдельбергу и др. въ нѣмецкихъ земляхъ городамъ-гдѣ первыя потребности недороги, климатъ мягкій. Къ такимъ городамъ въ Западной Сибири принадлежитъ Барнаулъ, занимающій въ географиче-

скомъ отношеніи такое же, какъ и Томскъ, если еще не болѣе центральное положеніе. Въ немъ есть довольно предметовъ и для первоначальной обстановки: музей по Естественной Исторіи, съ богатыми коллекціями минералловъ и горныхъ породъ, растеніями; коллекціями-этнографическою, энтомологическою; моделями; есть метерологическая обсерваторія, лабораторія, плавиленная фабрика; обширная библіотека, принадлежащая заводамъ. Жизненныя потребности значительно дешевле, чѣмъ въ Томскѣ и др. городахъ; климатъ умѣренный и здоровый. Наконецъ Алтай, съ нетронутыми богатствами почвы, представляетъ такія условія для существованія высшаго учебнаго заведенія, какихъ не встрѣтите въ другихъ мѣстахъ. Самая постройка университетскихъ зданій обойдется здѣсь дешевле, ибо всѣ строительные матеріалы находятся подъ рукою. Зданіе, въ которомъ помѣщается теперь горное училище, было бы, на первый разъ, весьма пригодно для университета; и если бы понадобились другія пристройки, то при училищѣ состоитъ обширное мѣсто для огромныхъ зданій. Горное училище можно перевесть, если не держать въ немъ пансіонеровъ, въ огромный пустой каменный домъ, противъ казенной аптеки, а будущую гимназію въ домъ, занимаемый заводскою богадѣльнею и госпиталемъ. При этомъ домѣ мѣсто еще обширнѣе; цѣлый городъ можно выстроить; оно какъ разъ противъ нашего дома. Указывая на Барнаулъ, какъ на городъ, наиболѣе всѣхъ подходящій къ открытію въ немъ университета, я долженъ сдѣлать оговорку, что не имѣю въ этомъ никакого личнаго интереса, кромѣ общей пользы. Жаль, что Его Высокопревосходительство не заглянулъ на Алтай; не найдете-ли возможнымъ представить ему, или просто довести до его свѣдѣнія все вышесказанное, въ видѣ личныхъ вашихъ наблюденій? Еще скажу, что выборъ мѣста для университета—дѣло весьма важное для всего края; и что въ половинѣ Ноября я сообщилъ уже мои соображенія одному изъ моихъ друзей въ Петербургѣ, который принимаетъ въ этомъ живѣйшее участіе.

«Когда будете, И. Я., доводить до свѣдѣнія Его Высокопревосходительства вышеизложенныя соображенія, позволяю себѣ думать, что Вы обратите его вниманіе и на то, что высказывая свои убѣжденія на счетъ открытія университета въ Барнаулѣ, а не въ Томскѣ, я не имѣю въ виду никакой корыстной цѣли, никакой

задней мысли, а лишь одну только общую пользу и высшіе интересы. По старости своей лично въ университетѣ не нуждаюсь, дѣти мои окончили уже ученіе; но молю Бога объ учрежденіи университета, гдѣ бы онъ ни былъ открытъ, пожалуй хоть въ Нарымѣ.... Однако, если говорить серьезно, то ходатайство Омскаго общества открыть университетъ тамъ едва ли выдержитъ критику. Омскъ, конечно, находится ближе къ киргизскимъ степямъ, но въ отношеніи Восточной Сибири, Енисейска, Иркутска, Забайкалья все же представляетъ окраину. Ужъ во всякомъ случаѣ Томскъ болѣе другихъ городовъ соотвѣтствуетъ этому. Избраніе Омска, какъ центральнаго пункта, для университета могло бы имѣть значеніе развѣ въ томъ отношеніи, чтобы поправить ошибку блаженной памяти Генерала Гасфордта, который проэктировалъ всюду въ киргизской степи мечети, на томъ основаніи, чтобы киргизъ сначала омусульманить, а потомъ уже принять мѣры къ распространенію между ними образованія и христіанства, такъ какъ ему казалось, что это будетъ легко, и въ коранѣ находится много хорошаго, способствующаго цивилизаціи. Проэктовъ этихъ я не читалъ, но чиновники Министерства Иностранныхъ дѣлъ такъ передавали мнѣ ихъ содержаніе».

XV.

Занятый текущими сибирскими вопросами первостепенной важности, С. И. не оставлялъ своихъ привычныхъ занятій. По прежнему оказывалъ свое покровительство различнымъ мѣстнымъ кустарнымъ производствамъ; по прежнему былъ занятъ собираніемъ рукописей, народныхъ напѣвовъ и естественно-историческихъ коллекцій. Въ это время (съ Ноября 1875 г.) С. И. принималъ большое участіе въ упроченіи и распространеніи въ Западной Сибири приготовленія такъ называемаго „валянаго урса“ (драпа). Барнаульскій мѣщанинъ Степанъ Францевъ занимался катаньемъ пимовъ. С. И. указалъ ему сначала приготовленіе мягкой валяной обуви-ботинокъ, туфель и пр.; а потомъ, когда на товаръ этотъ появился спросъ, Гуляевъ руководилъ мастеромъ въ приготовленіи американскимъ способомъ изъ валянаго урса пальто безъ швовъ. Онъ мечталъ дойти до способа выдѣлки такихъ пальто изъ козьяго пуху.

Въ письмѣ отъ 8 Марта 1876 года С. И. пишетъ: «На второй день праздника Р. Х. я получилъ отъ одного изъ знакомыхъ весьма интересную рукопись. Она валялась въ Семипалатинскѣ на чердакѣ одного дома, въ ящикѣ съ заброшенными полсотни лѣтъ минералами. Это—путевой журналъ, веденный командированнымъ въ алтайскія горы какимъ-то горнымъ офицеромъ или скорѣе докторомъ-натуралистомъ, для поиска цвѣтныхъ камней и минераловъ. Видно, что партія была порядочная, состоявшая, кромѣ рабочихъ, изъ двухъ унтеръ-шихтмейстеровъ. Рукопись, судя по почерку, относится къ 80 или 90 годамъ, но авторъ мнѣ неизвѣстенъ *) (....). Полагая, что замѣтки автора о флорѣ и фаунѣ Алтая будутъ годиться для Васъ, П. Я., я посылаю находку, съ тѣмъ, однакожъ, чтобы Вы по минованіи въ ней надобности мнѣ возвратили. Языкъ и слогъ рукописи отличается правильностью и не похожи на канцелярскую рѣчь. Видно, что авторъ былъ человѣкъ образованный, обладающій порядочнымъ запасомъ свѣдѣній».

Въ примѣчаніи къ этому письму С. И. прибавляетъ: «На праздникахъ-же получилъ я письмо отъ одного изъ моихъ корреспондентовъ изъ Минусинска. Извѣщаетъ меня, что онъ имѣетъ свѣдѣнія, будтобы на одной высокой горѣ въ верховьяхъ Енисея находится „днище" громаднаго судна, что дерево такъ крѣпко, что стальные топоры ломаются. Не вѣрится какъ-то; однако-жъ пишу ему, чтобы онъ съѣздилъ на мѣсто. Давно я читалъ гдѣ-то, что у Тунгусовъ существуетъ преданіе о кораблѣ, остановившемся на Енисейскихъ горахъ (....)»

---

*) Рукопись оказалась принадлежащей Петру Ивановичу Шаньгину. Риттеръ, въ „Землевѣдѣніи Азіи" [т. III стр. 259], описывая, между прочимъ, Алтайскіе бѣлки, упоминаетъ во многихъ мѣстахъ о путешествіи Шаньгина. Шаньгинъ былъ не только горный инженеръ и минералогъ, но, какъ видно, имѣлъ обширныя свѣдѣнія въ ботаникѣ. Палласомъ установлено въ честь Шаньгина два растительные вида *Fumaria Schangini* и *Astragalus Schanginus* Сиверсъ установилъ видъ *Clypeola Schangiani*. Шангинъ Петръ Ивановичъ происходилъ изъ подъяческихъ дѣтей, поступилъ на службу въ Московское Медицинское училище лѣкарскимъ ученикомъ 1 Сентября 1758 г., подлѣкаремъ 7 Іюля 1768 г., лѣкаремъ 3 Мая 1770 г., переименованъ въ горный чинъ маркшейдера 23 Января 1786 г., оберъ-гиттенфервальтеромъ 2 Февраля 1798 г., бергауптманомъ 18 Мая 1802 г. Рукопись Шаньгина передана въ 1878 г. въ библіотеку Западно-Сибирскаго отдѣла Императорскаго Географическаго Общества.

XVI.

Открытіе торговыхъ сношеній съ Азіею посредствомъ сѣвернаго морскаго пути вызвало въ 1876 года въ Западную Сибирь и пограничныя съ ней страны сравнительно много торговыхъ и научныхъ экспедицій. Почти ни одна изъ нихъ не миновала Барнаула и въ семьѣ С. И. всегда находила радушный пріемъ и возможно полное въ предѣлахъ силъ содѣйствіе. Съ членами экспедиціи, назначенной въ лицѣ Брема и Финша, отъ общества нѣмецкихъ сѣверо-полярныхъ экспедицій, познакомилъ С. И. Директоръ департамента внутреннихъ сношеній въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ баронъ Ѳедоръ Романовичъ Остенъ-Сакенъ. О хлѣбной экспедиціи полковника Сосновскаго С. И. получилъ свѣдѣнія отъ переводчика Андріевскаго, который въ обстоятельной перепискѣ знакомилъ С. И. со всѣми подробностями путешествія. Въ это же время, чрезъ близкихъ знакомыхъ онъ слѣдилъ за постройкой торговаго тракта отъ Устькаменогорска до Бухтармы; на эту дорогу денегъ потрачено было много; но устройство ея ограничивалось самыми ничтожными работами, состоящими въ тыспрованіи берега рѣки Ульбы, которая первымъ весеннимъ разливомъ и уничтожала эти работы. Обо всемъ этомъ С. И. велъ обширную переписку, опубликовать которую еще не наступило время. Въ этой серіи писемъ сохранились любопытные документы относительно экспедиціи Ив. Сем. Полякова, для отысканія мамонта, найденнаго на пріискѣ Громова „Золотой Бугорокъ."

Вотъ, что пишетъ С. И. 15 Марта 1887 г. «Изъ Томска получено отъ Аршаулова весьма важное для науки извѣстіе: При шурфовкѣ нынѣшнею зимою розсыпи на пріискѣ Громова „Золотой Бугорокъ" въ Маріинскомъ округѣ, на рѣчкѣ Никольской, впадающей съ лѣвой стороны въ Большой Кундатъ, найденъ на 6-ти аршинной глубинѣ цѣльный трупъ мамонта. Аршауловъ привезъ съ собою кусокъ мяса и представилъ Губернатору; а о находкѣ телеграфировалъ Сидорову. Заинтересованный этимъ, я просилъ Аршаулова сообщить мнѣ болѣе вѣрныя свѣдѣнія. Чрезъ 2 дня получаю телеграмму: «Вѣрныхъ свѣдѣній нѣтъ; можетъ быть и олень, неизвѣстно». Между тѣмъ Аршауловъ, какъ видно изъ его письма Карпинскому, послалъ даже телеграмму Сидорову, гдѣ

говоритъ о находкѣ, какъ очевидецъ, и даже будто бы представилъ Губернатору кусокъ мамонтова филея съ кожею въ 2 вершка и съ шерстью! Другой корреспондентъ Олоровской пишетъ, что Губернаторъ предписалъ исправнику маріинскаго округа Ларіонову принять мѣры къ охраненію находки. Если Аршауловъ дѣйствительно послалъ телеграмму Сидорову, то надѣлаетъ она тревогу въ ученомъ мірѣ. Сомнѣваюсь въ находкѣ». P. S. Андріевскій разъ замѣтилъ у меня въ банкѣ со спиртомъ рачковъ — мырмышей (Gamarus), сказалъ, что китайцы называютъ ихъ Сяо-ми (маленькій ракъ), солятъ и употребляютъ въ видѣ приправы къ кушаньямъ. Андріевскій говоритъ, что вареные рачки принимаютъ красный цвѣтъ и весьма вкусны».

Въ письмѣ 24 Марта 1877 года С. И. сообщаетъ: «Вчера встрѣтилъ въ почтовой конторѣ окружнаго ревизора Николая Игнатьевича Давидовича, который, заведя рѣчь о мамонтѣ, сомнѣвается въ справедливости разсказа Аршаулова. Говоритъ, что онъ каждое лѣто бываетъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находится пріискъ Громова; не разъ пивалъ чай на томъ мѣстѣ, гдѣ найденъ мамонтъ (?!); что наносы (турфы) тамъ талые, въ которыхъ трудно сохраниться трупу животнаго, не подвергнувшись разложенію, и что не попалъ ли въ турфъ занесенный снѣгомъ маралъ. Странно, однако-жъ, что кожа на привезенномъ кускѣ толщиною въ два пальца. Если окажется маралъ — должно быть исполинскій. Сегодня получилъ изъ Томска телеграмму: „Шмидтъ телеграфируетъ Аршаулову: Академія наукъ, желая отправить зоолога, проситъ сообщить основанія дѣйствительнаго открытія кожи и мяса мамонта.“ Ну, тревога поднялась — что-то будетъ?» Письмо отъ 3 Апрѣля: „я отъ Аршаулова еще не получилъ отвѣтовъ о мамонтѣ, а Карпинскому онъ пишетъ, что мѣстный Маріинскій исправникъ Ларіоновъ, отправленный Губернаторомъ откапывать (?!) мамонта, доноситъ, что началъ вынимать сало и бросаетъ его собакамъ и все еще не можетъ докапаться до костей. Чертъ знаетъ, что дѣлается! Вѣдь въ Томской гимназіи есть же кто — нибудь, кому можно было-бы поручить осмотръ столь драгоцѣнной для науки находки.... P. S. Получилъ свѣдѣнія отъ Алексѣева, что въ Барнаульскомъ округѣ, близь горы Премень-тау встрѣчаются небольшія коническія сопки, состоящія изъ прозрачныхъ, похожихъ

на горный хрусталь, камней зеленаго, желтаго, лиловаго и краснаго цвѣтовъ. Должно быть, плавиковый шпатъ».

Письмо 9 Апрѣля: «Наконецъ-то получилъ отвѣты на мое письмо о мамонтѣ отъ Аршаулова. Пишутъ: ,,шурфовка Золотаго Бугорка производилась въ Февралѣ 1877 года; трупъ мамонта показался на семи-аршинной глубинѣ; кожа тонкая, шерсть подобна лошадиной; мягкія части сохранились вполнѣ; въ какомъ положеніи трупъ находится — неизвѣстно; торфъ, въ которомъ лежитъ мамонтъ — глинистый; золотоносный пласть залегаетъ на пятомъ аршинѣ, состоитъ изъ известковыхъ породъ преимущественно; мѣстность, гдѣ мамонтъ, сухая, но выше есть болота; въ разрѣзахъ другихъ органическихъ остатковъ (костей, череповъ) не встрѣчалось; цвѣтъ и длина шерсти, какъ у лошади, кожа въ палецъ толщины. Мясо не подверглось гніенію; цвѣтъ его розовый, но взятое на поверхность земли, мясо твердѣетъ и дѣлается сѣраго цвѣта.“ «Ничего понять не могу, пишетъ С. П., но только это не мамонтъ».

Письмо 27 Апрѣля: ,,Наконецъ-то получилъ отвѣтъ на свое письмо о мамонтѣ и отъ Александра Іосифовича Громова. Пишетъ, что въ золотоносныхъ пескахъ, вынутыхъ для пробы, найдены куски мяса и кожи какого-то животнаго. Цвѣтъ шерсти и длина ея неизвѣстны. Нѣсколько кусковъ мяса и кожи отправлены начальнику Томской губерніи. Сало животнаго отдѣльно не добывалось, а вмѣстѣ съ мясомъ, въ которомъ видно, что оно очень жирное. Толщину кожи опредѣлить невозможно, потому что изъ оторванныхъ кусковъ кайлами, ничего положительнаго сказать нельзя *). Слой сала толщины неизвѣстной. Цвѣтъ мяса бурый, а когда подвергнется дѣйствію воздуха, дѣлается бѣлымъ. Какой отвѣтъ далъ Аршауловъ Шмидту на его телеграмму — еще неизвѣстно; а исправникъ между тѣмъ добываетъ, какъ пишетъ Аршауловъ Карпинскому, мамонтово сало (разумѣется, если это звѣрь, а не какой-нибудь минералъ въ видѣ горнаго воска) и истребляетъ драгоцѣнную находку; впрочемъ, чего и ожидать добраго отъ полицейскаго натуралиста. Привожу Вамъ, Н. Я., вполнѣ то мѣсто

*) Удерживаемъ подлинный складъ рѣчи Громова.

письма Аршаулова, которое относится къ мамонту. „Пастуховъ (владѣлецъ смежнаго пріиска) былъ на пріискѣ, гдѣ лежитъ мамонтъ. Приступить къ открытію нельзя; надо провести пять аршинъ глубиною канаву; вода топитъ. Звѣрь долженъ быть великъ, ломомъ били, но до костей не добрались; кожа тонкая; жиру бѣлаго много бросали собакамъ — ѣдятъ". Чертъ знаетъ, что такое. Какая-то галиматья выходитъ. Не нашли ли они жирную тальковую глину. Какъ бы то ни было, но телеграмма Аршаулова взволновала, конечно, ученый міръ».

14 Мая: «Посылаю Вамъ, Н. Я., выписку изъ письма Натальи Евграфовны, изъ котораго увидите, что полицейскій зоологъ усердно работаетъ надъ мамонтомъ: добываетъ сало и мясо, изъ котораго рабочіе варятъ вкусный супъ, но все-таки до костей добиться не можетъ. Вотъ что пишетъ Н. Е. Пріѣхалъ казакъ, посланный нарочнымъ горнымъ исправникомъ къ Губернатору „съ кускомъ мяса въ спирту". Казакъ говоритъ, что на разстояніи тридцати саженъ еще шурфъ и на днѣ видна точно такая же масса звѣря, но не могутъ еще рѣшить: продолженіе ли это того же самаго, или другой. Въ первомъ шурфѣ звѣрь видѣнъ сбоку, а въ другомъ на днѣ его. Ломъ большаго размѣра уходитъ въ мясо весь, не доставая до костей. Тотъ же казакъ увѣряетъ, что мясо варили и кормили имъ рабочихъ; ѣдятъ и находятъ вкуснымъ. Отъ прикосновенія воздуха мясо каменѣетъ. Академія Наукъ командировала И. С. Полякова. Дѣло должно скоро выясниться: это человѣкъ ученый и разумный. Знаете-ли, что я думаю: если мамонтъ распростертъ въ землѣ на тридцать саженъ, то почему ему не быть и въ Барнаульскомъ округѣ. Не напали ли они на горную кожу. Лѣтъ двадцать подобный жирный пластъ горной кожи крестьяне нашли въ Барнаульскомъ округѣ; сейчасъ не припомню мѣсто нахожденія».

Телеграмма 23 Іюня: «Отъ мамонта оказались только куски, цѣлаго не нашли. Поляковъ еще и теперь его раскапываетъ».

Въ письмѣ 4 Іюля С. И. сообщаетъ, что 30 Іюня Иванъ Семеновичъ Поляковъ былъ въ Барнаулѣ; что мамонта не оказалось; представленные Генералъ-Губернатору куски (яко бы мяса) везетъ съ собой, часть отправилъ въ Академію наукъ. То, что считалъ полицейскій натуралистъ саломъ, оказалось горною кожею.

Только чрезъ шесть мѣсяцевъ послѣ этого получилъ С. И. отъ Громова куски горной кожи. Вотъ, что пишетъ онъ по этому поводу 1 Января 1878 года: «посылаю Вамъ, И. Я., два куска горной кожи. Вѣроятно, Вы покажете, если уже не показали, ученикамъ и ученицамъ гимназій это вещество, надѣлавшее столько шуму въ ученомъ мірѣ. Не получено ли Генералъ-Губернаторомъ донесеніе объ этой находкѣ? (....) Желательно бы имѣть съ него копію. Обратите вниманіе вашихъ учениковъ, что горная кожа можетъ служить для приготовленія несгораемыхъ свѣтиленъ для лампадокъ, фонарей и проч. Этотъ опытъ и слѣдовало прежде всего сдѣлать на мѣстѣ полицейскому натуралисту Ларіонову или въ Томскѣ, куда онъ послалъ образцы мамонтовой кожи. Горная кожа по своей несгораемости представляетъ дорогой матеріалъ для приготовленія кровельной папки».

Покойный Генералъ-Губернаторъ Западной Сибири Николай Геннадіевичъ Казнаковъ передавалъ мнѣ, что исправникъ Ларіоновъ былъ спрошенъ, какимъ образомъ онъ допустилъ продовольствовать рабочихъ глиной подъ видомъ мяса животнаго? Желая, хотя сколько-нибудь оправдать себя, исправникъ сдѣлалъ допросы: не чувствовали-ли крестьяне-рабочіе заболѣваній отъ употребленія неизвѣстнаго вещества, именуемаго горной кожей. Всѣ отозвались, что заболѣваній не было; а когда данъ былъ вопросъ, почему они не отличили на вкусъ глину отъ мяса, то всѣ единогласно отвѣтили: «съ масломъ чего не съѣшь, если приказано».

XVIII.

Началомъ 1878 года на время оканчиваются крупныя экспедиціи въ Западную Сибирь и пограничныя съ ней страны. Въ Январѣ мѣсяцѣ возвращался изъ Монголіи чрезъ Барнаулъ Григорій Николаевичъ Потанинъ. Чрезъ него С. И. узналъ, что въ архивахъ Акмолинскаго Областнаго Правленія и въ архивѣ Главнаго Правленія находится много дѣлъ, относящихся къ первымъ временамъ сибирской линіи; по собраннымъ изъ этихъ учрежденій матеріаламъ, а также по тѣмъ, какія имѣлись въ Горномъ Правленіи, С. И. долго занимался составленіемъ историческаго очерка колонизаціи и торговли въ Южной Сибири. Матеріалы эти не

изданы и должны храниться между оставленными покойнымъ рукописями. Въ это же время онъ составлялъ сводъ данныхъ, собранныхъ экспедиціями, отправляемыми въ киргизскую степь для открытія мѣсторожденія цвѣтныхъ камней. Эту статью въ рукописи покойный С. И. мнѣ прочитывалъ. Въ историческомъ очеркѣ экспедицій въ киргизскую степь упоминается о слѣдующихъ лицахъ: 1) о Петрѣ Ивановичѣ Шаньгинѣ (сынъ того Шаньгина, на котораго ссылается Риттеръ), отправленномъ Горнымъ Начальствомъ въ 1815 году въ киргизскую степь для изслѣдованія рудныхъ мѣсторожденій, открытыхъ маіоромъ Набоковымъ близь озера Иманъкуля, отстоявшаго отъ крѣпостей Петропавловской въ 188 верстахъ, Прѣсновской въ 106 и Прѣсногорьковской въ 212 верст.; 2) о горномъ инженерѣ Калигіевскомъ, отправленномъ въ 1832—33 горахъ для геогностическаго описанія Западной части Омской области (по рѣкѣ Ишиму и его притокамъ); 3) о горномъ инженерѣ Влангали, отправленномъ въ 1852 году для той же цѣли въ юговосточную часть киргизской степи (нынѣ Семипалатинскую область).

Изъ помянутыхъ горныхъ инженеровъ о цвѣтныхъ камняхъ (топазахъ и проч.) въ киргизской степи упоминаетъ только Калигіевскій. Онъ же указываетъ на мѣстонахожденія діоптаза или ашприта въ горѣ Алтынъ-Тубе, составляющей продолженіе горнаго хребта Костъ-Агала, въ 130 верстахъ отъ Каркараловъ къ западу. Калигіевскій развѣдалъ это мѣсто въ концѣ Февраля 1835 года и нашелъ обширныя залежи діоптаза.

Далѣе, открытіе мѣсторожденій цвѣтныхъ камней, по архивнымъ документамъ Горнаго Правленія, принадлежитъ частнымъ лицамъ. Заводчикъ С. И. Поповъ 29 Января 1842 года заявилъ въ каркаралинскомъ внѣшнемъ приказѣ объ открытіи въ урочищѣ „Ку", гдѣ построенъ былъ послѣ того заводъ «аметистовыхъ щетокъ и камней», но добываніемъ ихъ не занимались.

По разрѣшеніи въ 1858 г. всѣмъ частнымъ лицамъ поисковъ розсыпей и рудъ, въ киргизской степи были открыты цвѣтные камни въ Каркаралинскомъ и Кокчетавскомъ округахъ, въ послѣднемъ при урочищахъ: Бурлукъ, между озерами Боровымъ и Щучьемъ,-близь горы Булукъ-тау, при Карагайлы, при подошвѣ Кокчетау. Кромѣ топазовъ С. П. указываетъ на нахожденіе въ киргизской степи:

перловъ, венисы, грассуляровъ, самородной сѣры, квасцовъ, киноварн, плавиковаго шпата и другихъ минераловъ. Въ это время и ранѣе того С. И. всѣмъ отправляющимся въ киргизскую степь наказывалъ обращать вниманіе на то, не отыщутся-ли тамъ алмазы. Вотъ одно изъ писемъ его 23 Марта 1878 г. съ подобной просьбой: (....) «При настоящемъ случаѣ не могу не обратить Вашего, И. Я., вниманія на дресвяную почву тѣхъ мѣстностей въ горныхъ долинахъ, гдѣ гальки представляютъ обломки разныхъ горныхъ породъ. Я имѣю какія-то неотразимыя убѣжденія, что въ помянутыхъ мѣстностяхъ киргизской степи должны быть алмазы. Хорошо бы захватить съ собою небольшое мѣдное сито, или, вѣрнѣе, рѣшето въ видѣ четыреугольнаго ящика съ невысокими краями (....). При остановкахъ на ночлегахъ Николай (младшій сынъ С. И.) пусть займется промывкою. Когда крупная дресва и галька будутъ промыты, надо высыпать на доску и разбирать съ лупой (....) Для отысканія переписки въ Областномъ и Главномъ Правленіяхъ объ экспедиціяхъ въ киргизскую степь, имѣйте въ виду, что дѣла прежде раздѣлялись на извѣстные разряды: по Высочайшимъ повелѣніямъ, дѣла секретныя, дѣла вообще по предметамъ, относящимся до круга дѣйствій каждаго учрежденія и проч. Такъ какъ командировки въ Киргизскую степь совершались главнѣйше съ цѣлью политическаго свойства, то и дѣла нужно искать въ разрядѣ секретныхъ, которыя по сдачѣ въ архивъ, составляли особый отдѣлъ».

Занимаясь собираніемъ научныхъ матеріаловъ по различнымъ областямъ знаній касательно Алтая и Киргизскихъ степей, С. И. не оставлялъ безъ вниманія и рукописи, если представлялась возможность ихъ пріобрѣсть: «Сегодня, пишетъ онъ 22 Апрѣля 1878 г., привезъ домой отъ внучки механика-академіи Ив. Петр. Кулибина, Натальи Александровны Кулибиной, кипу бумагъ и рукописей, доставшихся отъ ея дѣда и дѣда по матери—Тимофѣя Степановича Бурнашева, роднаго брата моей матери. Въ бумагахъ этихъ весьма много интересныхъ данныхъ о Нерчинскомъ краѣ и о механикѣ Кулибинѣ (....). Часть документовъ, собранныхъ ранѣе, отправилъ въ Петербургъ. Съ этою почтою послалъ Директору Азіатскаго Департамента барону Остенъ-Сакену: а) копію съ заявленія торговавшихъ въ Китайскихъ городахъ Хобдо и Кучунзу довѣренныхъ здѣшнихъ и Бійскихъ купцовъ нашему консулу въ

Ургѣ Шишмареву о стѣсненіяхъ со стороны Китайцевъ; в) выписку изъ письма прикащика купца Малькова-Артамонова къ матери и брату о поѣздкѣ его въ прошломъ году въ Китайскіе города Баркуль и др.; с.) донесеніе его и другихъ прикащиковъ ургинскому консулу Шишмареву о ходѣ торговли.

XIX.

Въ концѣ семидесятыхъ годовъ ожидали преобразованія Алтайскаго горнаго округа или, по крайней мѣрѣ, строгой ревизіи. Чиновники горнаго вѣдомства чувствовали себя не вполнѣ спокойно; С. И. нечего было бояться за будущность — нравственная репутація его была обезпечена. Научныя изслѣдованія Западной Сибири посредствомъ экспедицій пріостановились; несчастія, постигшія передъ этимъ на сѣверномъ пути торговые пароходы: „Луиза“ „Ami“, „Mirpach“, „Neptun“, „Царица“, и „Оскаръ Диксонъ“, охладили охоту въ предпринимателяхъ изслѣдовать сѣверный океанъ. Вопросъ о Сибирскомъ университетѣ былъ окончательно вырѣшенъ. Жизнь въ Западной Сибири начала принимать спокойное теченіе. Письма С. И. за это время приняли характеръ семейный—будничный. Въ домѣ С. И. возобновились вечеринки, на которыхъ собирались близкіе знакомые: архитекторъ Ш...даль, судья Г...ко, смотритель духовнаго училища С....цкій, докторъ Д...бергъ и еще нѣсколько лицъ. Въ это время пришелъ въ Барнаулъ изъ Зайсанскаго приставства отрядъ Забайкальскихъ казаковъ. Офицеры пользовались полнымъ радушіемъ и гостепріимствомъ С. И. На вечеринкахъ у С. И. игра въ карты была не принята. Общество бесѣдовало, играли на рояли, на фисъ-гармоніи, пѣли русскія пѣсни, декламировали, разсказывали анекдоты. Вообще пользовались удовольствіями разнообразными. Серьезные разговоры вращались въ это время около замѣчательныхъ золотыхъ розсыпей, открытыхъ въ Маріинскомъ округѣ и близь Салаирскаго рудника. Въ Маріинскомъ округѣ купцомъ Верхратскимъ въ красныхъ глинахъ найдено было необычайное богатство, а именно: въ 100 пудахъ 250 золотниковъ. Въ Салаирѣ, почти въ самомъ селеніи, какой-то мастеровой, копая яму, нашелъ богатое золото; рабочіе на Гурьевскомъ заводѣ, узнавши объ этомъ, оставили работы и бросились въ эту мѣстность, въ

числѣ 400 человѣкъ, такъ что заводскія работы совсѣмъ остановились. Были слухи, что «хищники» добыли золота два пуда и тотчасъ, съ вѣдома полиціи, сбыли его съ рукъ. Въ это же время близъ Томскаго завода крестьяне нашли свинцовую руду съ богатымъ содержаніемъ серебра, но мѣсторожденіе руды скрыли. Посланъ былъ Лушниковъ сдѣлать изслѣдованіе, но попытка была неуспѣшна; такъ это мѣсторожденіе неизвѣстно и до настоящаго времени. Научныя занятія С. И. шли по прежнему. Въ 1878 г. онъ послалъ въ русское Техническое общество статью: «О Калмыцкихъ ружьяхъ» съ рисунками всѣхъ употребляемыхъ охотниками приборовъ и снарядовъ для приготовленія пуль изъ желѣза. Кромѣ того напечаталъ нѣсколько статей подъ псевдонимомъ въ газетѣ «Восточное Обозрѣніе».

Обладая необыкновенно хорошимъ здоровьемъ, С. И. въ 1879 году сталъ чувствовать временами лихорадочные припадки и слабость, иногда въ такой сильной степени, что съ трудомъ опираясь на палку переходилъ отъ кровати къ рабочему столу. Въ письмахъ своихъ покойный С. И. всегда относился къ своимъ болѣзнямъ шутливо. «Говорятъ, что меня опять «озѣвали», или «ну, со мною опять «банная пришка». Проникнутый желаніемъ распространять въ народѣ полезныя ремесла и знанія, С. И. не переставалъ оказывать свое покровительство мѣстнымъ кустарямъ промышленникамъ. Въ это время онъ разсылалъ въ разные города соломенныя шляпы, которыя началъ выдѣлывать подъ его руководствомъ переселившійся въ Барнаулъ изъ Пензы крестьянинъ Березинъ. Березинъ сначала выдѣлывалъ однѣ только крестьянскія шляпы, С. И. научилъ его бѣлить солому и плести дамскія шляпки и мужскія фуражки. «Радуюсь я, пишетъ С. И. 2 Іюня 1879 года, что къ намъ переселяются толковые ремесленники. Они, при трудолюбіи своемъ, скоро обзаводятся хозяйствомъ и, купивъ какую-нибудь лачужку у бывшихъ подзаводскихъ мастеровыхъ, записавшихся въ мѣщане, сейчасъ же выстраиваютъ новые домики уже совсѣмъ другой архитектуры, на россійскій ладъ».

Въ концѣ 1879 года С. И. получилъ изъ Берлинскаго Географическаго общества дипломъ на званіе члена. «Надо работать», пишетъ онъ по этому поводу, «а силы слабѣютъ. Хорошо, что я приготовилъ статью для Антропологическаго общества въ

Москвѣ, пошлю копію въ Берлинъ съ рисунками древностей. Въ одномъ изъ писемъ о поѣздкѣ въ Киргизскую степь Вы, Н. Я., упоминаете о каменныхъ бабахъ; нельзя-ли сообщить, гдѣ онѣ находятся, и снять съ нихъ фотографіи». Въ слѣдующемъ письмѣ С. И. сообщаетъ, что фотографіи съ каменныхъ бабъ Киргизской степи онъ получилъ (....). Типъ этихъ памятниковъ древности одинъ и тотъ же, какъ и памятниковъ на Алтаѣ и въ Южной Россіи, но послѣдніе, изсѣченные изъ песчаника, отличаются болѣе тщательною отдѣлкою лицъ и украшеній. Съ двухъ, привезенныхъ въ Петербургъ графомъ Орловымъ-Денисовымъ откуда-то изъ его имѣнія и поставленныхъ — одна въ Строгоновскомъ саду, а другая въ Голомягахъ, я снялъ рисунки и передалъ въ Археологическое Общество. Въ Барнаульскомъ музеѣ находятся двѣ «бабы» изъ гранита, найденныя на Алтаѣ при Фроловѣ и по его распоряженію доставленныя въ музей. Недавно состоящій при здѣшнемъ ревизорѣ чиновникъ Шубинъ снялъ для меня рисунокъ съ каменной бабы, находящейся близь Абакана между селами Аскызскимъ и Таштыпскимъ. Они нигдѣ, кажется, не описаны (....). Кромѣ личныхъ наблюденій о курганахъ и каменныхъ бабахъ у меня собрано довольно таки матеріаловъ, состоящихъ изъ описаній и чертежей. Статья объ этомъ переписано давно, но потребовала дополненій. Во время поѣздки въ Петербургъ я давалъ прочитать отрывокъ изъ нея академику Кунику, который сказалъ мнѣ послѣ, что совершенно раздѣляетъ мое мнѣніе о народѣ, которому приписываютъ курганы съ воздвигнутыми на нихъ каменными бабами».

Въ 1880 году посѣтили Барнаулъ двое датчанъ: камеръ-юнкеръ Тегнеръ, племянникъ извѣстнаго шведскаго поэта Тегнера, и капитанъ артиллеріи Гагге. Цѣль ихъ поѣздки въ Сибирь была промышленно-коммерческая. Они осматривали заводы, золотоплавильную, музей; ѣздили въ деревню Лосиху взглянуть на домашнюю жизнь крестьянина въ разныхъ степеняхъ зажиточности. Знакомство это вызвало желаніе написать нѣсколько статей, касающихся экономическаго состоянія сибирскаго крестьянина, для чего они собрали много матеріаловъ, но результаты этихъ работъ не опубликованы.

XX.

Съ отъѣздомъ изъ Сибири по разстроенному здоровью Генералъ-Губернатора Западной Сибири Николая Геннадіевича Казнакова, зло во всѣхъ отрасляхъ управленія, на время подавленное, начало снова поднимать свою голову. Это отразилось и на Алтайскомъ Горномъ Округѣ. То зло, которое накопилось годами и которое въ конецъ подорвало экономическій бытъ края, трудно, разумѣется, было Генералъ Губернатору искоренить однимъ почеркомъ пера. Однако, пріѣздъ его въ Сибирь привлекъ на Алтай людей съ полной готовностью подать честный и открытый протестъ всякому хищенію. Ревизія и реформа въ алтайскомъ горномъ управленіи были близки къ осуществленію. Болѣзнь Казнакова и отъѣздъ изъ Сибири заставили призадуматься многихъ честныхъ дѣятелей. На Алтаѣ горная администрація, взволнованная заявленіемъ или, какъ называетъ она, «доносомъ» изъ молодыхъ инженеровъ I.. нира на злоупотребленія по технической и хозяйственной частямъ въ заводахъ и рудникахъ, чуть было не отдала его подъ судъ за то, что осмѣлился поднять завѣсу хищенія. Всѣ инженеры раздѣлились на партіи, перессорились, появился рядъ статей въ газетахъ «Недѣля» и «Сибирь», завязалось слѣдственное дѣло. С. П. былъ въ сторонѣ отъ этихъ волненій. Съ малымъ довѣріемъ относился онъ къ искренности обличителей и мало надѣялся на благотворность реформъ. Въ свое время «непротивленіе злу» ему внушено было основательно; нужно принять во вниманіе и его семидесятипятилѣтній преклонный возрастъ.

Обычныя занятія этнографическія, естественно-историческія и техническія составляли для старика не трудъ, а привычное наслажденіе. За послѣдніе шесть лѣтъ онъ не могъ много писать; на сколько намъ извѣстно, кромѣ мелкихъ корреспонденцій, за это время онъ написалъ только одну статью «Къ исторіи Сибирскаго раскола».

За эти послѣдніе шесть лѣтъ онъ занимался распространеніемъ въ промышленности найденныхъ имъ на Алтаѣ крокуса, трепела и наждака, долго отыскивалъ онъ кріолитъ, но безуспѣшно. Наждакъ нашелъ и представилъ С. П. крестьянинъ Новой Бѣлокурихи Семенъ Казанцевъ, въ Бійскомъ округѣ. Когда образцы

были доставлены, пишетъ С. И., наши минералоги нашли, что это слюдяной сланецъ. Образцы были посланы въ Минералогическое и Географическое Общества. Найдено по анализу въ 100 частяхъ:

Глинозема	72%
Окиси желѣза . . .	27%
Кремнезема . . .	0, 198%
Магнезіи	0, 214%

При испытаніи на Колыванской фабрикѣ, онъ оказался не уступающимъ нѣмецкому. Наждакъ для Колыванской фабрики выписывается изъ Екатеринбурга. Въ 1867 году было доставлено 100 п. 34 ф. по 5 р. 42 к. за пудъ».

«Трепла огромное мѣсторожденіе въ Кузнецкомъ округѣ, другое на рѣчкѣ Черынѣ. Превосходный трепелъ находится въ Енисейскомъ округѣ, въ Туруханскомъ краѣ и тонкими прослойками въ Томскомъ песчаникѣ, который начали теперь употреблять на карнизы зданій. Изъ Кузнецкаго трепла много оселковъ въ свое время было доставлено въ Томскъ оптику Рейнвардту.

Крокусъ добывалъ С. И. изъ шлиховъ Кузнецкаго округа.

Вскорѣ затѣмъ, близь деревни Евсиной выше Берска найдена была прекрасная огнепостоянная бѣлая глина. Гончаръ Никулинъ, по указанію С. И., сталъ употреблять ее на выдѣлку посуды. Послѣ этого занялся распространеніемъ каолина, найденнаго вверхъ по Біѣ близъ Шаланскаго форпоста; примѣненіемъ альгаматолита къ литографскому дѣлу; примѣненіемъ Сексовской огнеупорной глины (деревня Сексова близъ Иртыша) для выдѣлки «шерберовъ» (чарочекъ для пробы рудъ). Въ 150 верстахъ отъ Томска, вверхъ по теченію Томи, въ деревяхъ Кемеровой, Щегловой и Красноярскѣ былъ отысканъ прекрасный антрацитъ и каменный уголь. Въ письмѣ отъ 7 Декабря 1872 года С. И. сообщаетъ слѣдующія собранныя имъ свѣдѣнія о полезныхъ ископаемыхъ Западной Сибири. «Нѣсколько лѣтъ назадъ, мой знакомый, занимавшійся нѣсколько лѣтъ въ Киргизской степи поисками рудъ и проч., по порученію купца Василія Кузнецова, Николай Николаевичъ Копыловъ прислалъ мнѣ образцы каменнаго угля, открытаго по лѣвой сторонѣ Иртыша въ слѣдующихъ мѣстахъ.

1) Противъ Семіярска въ 40 верстахъ ниже.

2) Ниже Грачевскаго поселка въ 4 верстахъ.

3) Противъ поселка Криваго и Песчанаго въ 30 верстахъ.

Одинъ изъ кусковъ оказался горною смолою. Хорошо бы было обратить на все вниманіе Генералъ-Губернатора. Копыловъ писалъ еще, что близь Долонскаго поселка находится селитра въ бору. Не изъ этого ли мѣста татары представили ее Полторацкому, а тотъ въ Барнаулъ для испытанія».

Въ 1840-хъ годахъ появились въ журналахъ того времени замѣтки, что англичане добывали алую краску орсель изъ горныхъ лишаевъ, вывозимыхъ съ Канарскихъ острововъ*). Послѣ въ 1850 годахъ было снова упомянуто объ этомъ (№ 1 Журнала для дѣтей 1856 г. ст. 40) съ дополненіемъ, что лишай, дающій орсель, нашли въ Южной Франціи и въ Савойѣ; что онъ представляетъ круглыя сѣроватыя вѣточки, и когда онъ съ бѣлы-

---

*) Въ дѣлахъ Алтайскаго Горнаго Правленія за 1840 годъ есть слѣдующій документъ: Предписаніе Департамента горныхъ дѣлъ Алтайскому Горному Правленію, отъ 18-го Января за № 26.

«Корреспондентъ Департамента Мануфактуръ и внутренней торговли въ Лондонѣ, донеся Г. Министру Финансовъ, что Лондонское Королевское Общество въ инструкціи приготовленной капитану Россу, отправляющемуся къ сѣверному полюсу, между прочимъ, поручаетъ ему обратить вниманіе на отысканіе мховъ, могущихъ замѣнить орсель (*Rosella tinctoria*), которая сдѣлалась нынѣ рѣдкою. Сіе красильное вещество получается съ острова Портланда въ Англіи, изъ Леванта и Варварійскихъ владѣній, особенно же съ Канарскихъ острововъ и Зеленаго мыса. Корреспондентъ почитаетъ весьма важнымъ удостовѣриться, не найдется-ли орсель въ мѣстахъ еще не изслѣдованыхъ, или не отыщутся-ли другіе мхи, могущіе замѣнить ее.

«Обширность Россійской Имперіи и приморскихъ береговъ ея позволяютъ предполагать, что орсель можетъ найтись на прибрежныхъ каменныхъ возвышеніяхъ. Въ Норвегіи и Швеціи собираютъ красильный мохъ *Lecanora tartarea*, а въ Оверни во Франціи *Lichen Rocella*, почему должно полагать, что первый найдется на берегахъ Финляндіи и Ботническаго залива, а второй въ южныхъ губерніяхъ.

«По докладѣ о семъ Г. Министру Финансовъ, Его Сіятельство приказалъ сообщить полученныя изъ Лондона свѣдѣнія Департаменту Горныхъ и соляныхъ дѣлъ, съ тѣмъ, чтобы онъ поручилъ Алтайскому Горному Правленію чрезъ заводскихъ лѣкарей розысканіе объ орсели и другихъ мхахъ могущихъ замѣнить ее.

«Департаментъ Мануфактуръ и внутренней торговли, увѣдомляя о томъ Департаментъ Горныхъ и Соляныхъ дѣлъ, присовокупилъ, что полученныя изъ Лондона свѣдѣнія напечатаны, по приказанію Его Сіятельства, въ 25 № газеты Мануфактурныхъ и Горнозаводскихъ извѣстій.

«Департаментъ, давая о семъ знать къ надлежащему исполненію прописаннаго приказанія Г. Министра Финансовъ, поручаетъ Алтайскому Горному Правленію, въ свое время донесть подробно Департаменту о послѣдствіяхъ помянутаго розысканія».

ми кранинками, то это служитъ знакомъ высокаго достоинства, и что, смотря по реактивамъ, даетъ разныя краски. С. И., руководствуясь этимъ описаніемъ и предполагая, что въ алтайскихъ горахъ, покрывающіе скалы лишаи должны обладать подобными же свойствами, началъ приготовлять изъ нихъ отвары для окраски шерсти въ алый, желтый, оранжевый и коричневый цвѣта.

Въ 1883 году С. И. узналъ, что татары Кузнецкаго округа употребляютъ какую-то траву для плетенія циновокъ и небольшихъ ковриковъ подъ сѣдла вмѣсто потниковъ, и что трава эта называется «загадъ», «теплая», «потничная» и проч. Бѣглые въ страшные морозы въ тайгахъ обвертываютъ этой травой ноги, и она сохраняетъ теплоту. Образцы этой травы С. И. пріобрѣлъ и тотчасъ занялся ея утилизаціей. Она оказалась годною для употребленія вмѣсто кокосоваго мочала, для мытья тѣла, для набивки тюфяковъ и, вмѣсто древесной массы, на выдѣлку бумаги.

Вмѣстѣ съ этимъ, С. И. распространялъ между кожевенными заводчиками произрастающій вблизи Вѣрнаго дикій кермекъ — дубильный корень, употребляемый за границей вмѣсто дуба.

Среди этихъ занятій я видѣлъ въ послѣдній разъ С. И. въ 1886 году. Въ это время онъ переживалъ семейное горе-потерю старшаго сына. Въ 15 лѣтъ, послѣ первой нашей встрѣчи, наружность С. И. сильно измѣнилась: на лицѣ врѣзались глубокія морщины, волосы совершенно посѣдѣли; въ его движеніяхъ и рѣчи не было уже той живости, которая такъ сильно его характеризовала. Но онъ не согнулся отъ старости, лѣта не ослабили его глазъ; прямой стройный видъ, темные изъ-подъ сѣдыхъ бровей глаза и тонкая улыбка добродушнаго юмора остались прежними. Привычекъ своихъ С. И. не измѣнилъ: утреннее время съ 5 до 8 часовъ онъ проводилъ въ саду, гдѣ по прежнему культивировалъ разныя полезныя растенія; потомъ въ 9 часовъ отправлялся на государственную службу, а въ 7 часовъ вечера его всегда можно было встрѣтить въ кабинетѣ среди своихъ любимыхъ занятій. Только изрѣдка прерывалъ онъ ихъ бесѣдами съ своими добрыми знакомыми. Друзей у С. И. не было. Пользовался особымъ расположеніемъ, кажется, единственный человѣкъ — отставной полковникъ Таскинъ, инженеръ, лингвистъ, поэтъ и музыкантъ. Ко всѣмъ онъ относился привѣтливо, радушно и ще-

нетильно вѣжливо. У себя дома для него всѣ гости были равны, какое бы они общественное и служебное положеніе ни занимали. Замѣчательно, что въ теченіе всей жизни никто изъ семьи не помнитъ, чтобы С. П. съ кѣмъ-нибудь ссорился по служебнымъ, по частнымъ или по семейнымъ дѣламъ. Онъ былъ врагъ даже сильныхъ споровъ въ бесѣдахъ. Едвали это не былъ единственный человѣкъ въ Барнаулѣ, который умѣлъ быть со всѣми въ пріятныхъ отношеніяхъ и не имѣлъ враговъ. Прекраснымъ доказательствомъ этого служитъ то единодушіе, съ которымъ всѣ многочисленные знакомые почтили въ 1886 году день золотой свадьбы С. И., устроивъ для престарѣлой четы обѣдъ, на которомъ поднесли обоимъ супругамъ золотые бокалы. Хотя часто приходилось слышать отзывы о С. П., какъ о человѣкѣ съ большими странностями, тѣмъ не менѣе онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ.

С. И. служилъ въ „золотомъ отдѣленіи", жилъ между золотопромышленниками, которые всегда и всюду въ немъ нуждались; пропускалъ чрезъ свои руки милліоны золота,—возможно-ли, чтобы при такихъ условіяхъ онъ могъ нуждаться въ какой-нибудь сотнѣ рублей. А между тѣмъ, приведенное ниже письмо показываетъ, что старику бывало иногда тяжело содержать семью.

Вотъ что пишетъ С. И. 24 Іюня 1884 года: (.......) «Сейчасъ, когда пишу письмо это, явился прикащикъ отъ Флягина за уплатой; на-дняхъ приходили отъ двухъ Морозовыхъ, не знаю, что мнѣ дѣлать? Было три билета внутренняго займа и тѣ заложены. Любезная моя супруга настаиваетъ, чтобы продалъ домъ и купилъ другой маленькій. Предлагать подобные совѣты весьма легко, но какъ исполнять. Да и домъ то стоитъ 800 р. не больше. Меня укоряютъ, что я сижу за камушками. И чего это они имъ помѣшали! Я вовсе не минералогъ, не собираю коллекцій, а если иногда интересуюсь какимъ-нибудь минераломъ въ отношеніи пользы въ общежитіи, то какая-же бѣда въ этомъ? Они хотятъ отнять у меня то удовольствіе, которое составляетъ потребность моей натуры; они желали-бы, чтобы я, попавъ въ чиновничью колею, погрузился бы въ ней, какъ улитка въ раковину (.....). Забавно бы Вамъ слышать отъ кого нибудь укоризны за то, что Вы занимаетесь кромѣ службы разными науками; да безъ этого жизнь человѣка мыслящаго была бы тягостью. Въ

отношеніи ко мнѣ такія укоризны считаются справедливыми. Я не высказывалъ Вамъ огорченій и жалобъ; теперь говорю о нихъ, вызванный дѣйствіями (по секрету сказать) капитана Копѣйкина, которому надо и бутылку французскаго вина, и театръ, и котлеты, и суплеты (.....)».

За мѣсяцъ до смерти, именно 8 Апрѣля 1888 г., я получилъ отъ С. И. слѣдующее письмо: «Прежде всего благодарю Васъ, И. Я., за письма, въ которыхъ Вы подробно разсказываете о выставкѣ и эпизодахъ, встрѣчавшихся во время путешествія и въ пребываніе въ Екатеринбургѣ. Полтора года почти напала лихарадка, никогда не посѣщавшая меня прежде. Большихъ пароксизмовъ, свойственныхъ этой болѣзни, не было, но все-таки я страдалъ головною болью. Теперь болѣзнь проходитъ, но 20 Января вотъ что случилось: утромъ, когда здѣсь бываетъ еще темно, я, заснувъ на правомъ боку, безсознательно повернулся было на лѣвый и, какъ моя кровать узенькая, то и свалился на полъ лѣвымъ бокомъ, расшибъ всю лѣвую половину тѣла, ударившись объ карнизъ шкапа такъ сильно, что самъ не могъ подняться. Тяжелое было состояніе; ни читать, ни писать, безсонница одолѣвала; въ 12 часу я пробуждался и въ остальное время ворочался; сидя на стулѣ, дремалъ. Ну, объ этомъ довольно; не люблю говорить о своихъ болѣзняхъ. Сообщу Вамъ о нижеслѣдующихъ, интересныхъ на мой взглядъ, предметахъ. Однажды явился ко мнѣ крестьянинъ Мунгатской волости Алексѣй Худяковъ, предлагая купить коренной мамонтовъ зубъ, найденный имъ близь своего села; но я, не собирая палеонтологическихъ коллекцій, предложилъ ему передать эту рѣдкость въ Барнаульскій музей, который, быть можетъ, что нибудь заплатитъ. Худяковъ предоставилъ сдѣлать это мнѣ, и я сейчасъ же отослалъ зубъ въ музей. При этомъ случаѣ онъ передалъ, что, выкапывая яму для постановки столба для заплота, встрѣтилъ на глубинѣ 1½ арш. огромныя кости какого-то звѣря, которыя показались и въ ямѣ, вырытой для другаго столба, въ разстояніи полуторыхъ саженъ или нѣсколько болѣе. Худяковъ спрашивалъ меня, какъ онъ долженъ поступить съ этою находкою? Заинтересованный этимъ, я намѣренъ былъ съѣздить туда и обѣщалъ ему заплатить за находку, а между тѣмъ просилъ его оставить ее на мѣстѣ и завалить

землею, чтобы не портили любопытные. Однако, я не могъ исполнить моего намѣренія и Худякова послѣ того не видалъ. Мунгатская волость находится въ Кузнецкомъ уѣздѣ, верстъ за 200 отъ Барнаула. Что, если тамъ лежитъ цѣльный скелетъ мамонта; находка эта была бы дорогая для науки. 2) Въ Семирѣченскую область везутъ изъ окрестностей Барнаула деготь и продаютъ тамъ по 2 р. ведро. Въ виду такой дороговизны и необходимости въ смазочныхъ веществахъ для мѣстнаго населенія, я приготовилъ каретную мазь и послалъ Степану Александровичу Попову полпуда, предложивъ ему готовить ее самому для его плавильныхъ заводовъ, для экипажей и машинъ. Она дѣлается изъ смолы, сала и талька — который тамъ, въ Каркаралинскомъ округѣ, занимаетъ обширное пространство, имѣетъ снѣговую бѣлизну; употребляется же только казачками для бѣленья хатъ. Поповъ вотъ что писалъ мнѣ послѣ полученія мази. «При употребленіи на смазку рашковъ въ сентиметорахъ рута, оно совершенно замѣняетъ дорогую заграничную мазь, что даетъ значительную экономію; кромѣ того хорошо держится на зубчатыхъ колесахъ». «Если Ваши (Тюменскіе) мастера употребляютъ для смазки машинъ масло, или что другое, то обратите ихъ вниманіе на мое изобрѣтеніе — дешовое и полезное, употребленіе котораго предоставляю Вашему усмотрѣнію. Моей мазью и человѣка можно смазывать, если расхлябается и начнетъ скрипѣть отъ ревматизма. Болѣзнь быстро проходитъ, стоитъ только взять немного на палецъ, натереть больное мѣсто; мазь совершенно входитъ въ тѣло, не оставляя слѣдовъ».

Это было послѣднее письмо, которое написалъ С. И.; таковымъ оно значится по его исходящему журналу. Прочитывая этотъ реэстръ, веденный съ 1857 по 1888 г., и разбираясь въ письмахъ, нужно удивляться: когда успѣвалъ С. И. вести обширнѣйшую переписку. По реэстру за указанные 29 лѣтъ личныхъ писемъ, имѣющихъ научный интересъ 2870. Въ это число не входятъ семейныя письма — къ дѣтямъ и родственникамъ.

Смерть застала С. И. за письмомъ, только что полученнымъ имъ отъ Вице-Предсѣдателя Императорскаго Русскаго Географическаго Общества Петра Петровича Семенова, помѣченнымъ 15 Апрѣля 1888 года № 193.

Милостивый Государь,

Степанъ Ивановичъ!

Въ письмѣ своемъ къ Вамъ, глубоко уважаемый С. И , г. Предсѣдательствующій Отдѣленіемъ Этнографіи изложилъ Вамъ подробно о предпріятіи этого Отдѣленія, въ которомъ Ваше участіе такъ было бы дорого. Съ моей стороны я позволю себѣ присоединить и мой голосъ къ просьбѣ Отдѣленія къ Вамъ, многоуважаемый Степанъ Ивановичъ, съ выраженіемъ надежды, что Вы одинъ изъ старѣйшихъ членовъ-сотрудниковъ Императорскаго Географическаго Общества не откажете помочь Отдѣленію Вашими драгоцѣнными матеріалами. Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи и преданности».

Письмо это было получено 14 Мая 1888 года въ 3 ч. пополудни. С. И. прочиталъ его, потомъ наклонился на столъ, сильно поблѣднѣлъ и началъ тяжело дышать. Въ это время вбѣжалъ въ комнату сынъ его Николай Степановичъ. На вопросъ: „Что съ Вами"? старикъ отвѣчалъ: „Тяжело Николай.... Вотъ пріятное письмо получилъ; видно, что не забыли меня.... но.... поздно". Призвали врачей, которые нашли страданіе отекомъ легкихъ, и потому было рѣшено поставить сорокъ банокъ. Банокъ въ госпиталѣ оказалось четыре, да и тѣхъ безъ разрѣшенія Инспектора госпиталя не дали. Посланный за банками возвратился, когда старикъ скончался. Наканунѣ вечеромъ онъ сидѣлъ въ гостяхъ у сына; увлекшись разговоромъ, въ 9 часовъ онъ вдругъ спохватился: «надо торопиться домой, меня ждетъ паціентъ!» Онъ въ это время лѣчилъ крестьянъ отъ ревматизма смѣсью осиноваго дегтя съ минеральнымъ масломъ. На другой день смерти, когда С. И. лежалъ на столѣ, одинъ изъ паціентовъ крестьянъ принесъ на поминовеніе души 50 коп., считая себя должникомъ за излѣченіе.

Жилъ честно, цѣлый вѣкъ трудился,

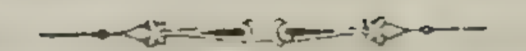
И умеръ голъ, какъ голъ родился.

Замѣчательное изреченіе Ивана Ивановича Хемницера какъ нельзя лучше характеризуетъ покойнаго. Какіе же поучительные итоги дастъ намъ жизнь этого человѣка толпы, труженика, пере-

шагнувшаго границы земнаго міра?—Примѣръ стремленья ко всему доброму, къ правдѣ и ко всему нравственному, что возвышаетъ и облагораживаетъ натуру человѣка и миритъ его съ невзгодами житейскаго поприща.

И. Словцовъ.

Тюмень
1890 г.

ХРОНОЛОГИЧЕСКІЙ СПИСОКЪ
НАУЧНЫХЪ И ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ТРУДОВЪ
С. ИВ. ГУЛЯЕВА.

1839 г.

О сибирскихъ круговыхъ пѣсняхъ. (Отеч. Записки).

1844 г.

О яшмовой чашѣ (Академ. Вѣдом. №№ 222 и 225).

1845 г.

Алтайскіе каменщики или горцы. (Академ. Вѣдом. № 6).

1848 г.

Этнографическіе очерки Южной Сибири. (Библіотека для Чтенія №№ 9 и 17).

1851 г.

Иртышъ и страны имъ орошаемыя. (Географ. Вѣстн. кн. V и VI).

Колыванъ—Колывань. (Въ Жур. Мин. Внутр. Дѣлъ).

Очеркъ Колывано-Воскресенскихъ заводовъ. (Archiv für Wissenschaftliche Kunde von Russland.).

1852—1853 г.

О нѣкоторыхъ произрастаніяхъ Южной Сибири. (Въ трудахъ Имп. Вольн. Эконом. Общ. ч. V кн. 2-я).

Руководство для золотопромышленниковъ.

Свадебные обряды въ Ярославской губерніи (Въ Географ. Вѣст. кн. 2-я).

О древностяхъ въ Киргизской степи. (Вѣстн. Имп. Русс. Геогр. Общ.)

Былины (Извѣст. Акад. наукъ).

1855 г.

О графитѣ. (Труды Имп. Вольн. Экон. Общ.)

О сибирской слабительной соли, находящейся въ озерахъ по Иртышской линіи. (Труды Имп. Вольн. Экон. Общ.).

О глинистомъ сланцѣ въ Симбирской губ., изъ котораго можно добывать горючую жидкость. (Труды Вольн. Экон. Общ.

1857 г.

Былины. (Извѣст. Акад. Наукъ).

О кретинизмѣ и зобахъ по рѣкѣ Ленѣ (Вѣст. Геогр. Общ. кн. 2-я).

Статья поручика Усольцева, исправленная и передѣланная. (Вѣстн. Геогр. Общ. кн. 3-я).

Записка о дикой дѣвушкѣ, найденной въ Иркутскомъ округѣ. (Вѣстн. Геогр. Общ. кн. 4-я).

О древнихъ сосудахъ, найденныхъ въ Гурьевскомъ заводѣ. (Вѣстн. Археол. Общ.)

1858 г.

Объ учебныхъ заведеніяхъ въ Алтайскомъ горномъ округѣ. (Жур. Воспитаніе).

Кулундинская степь. (Академ. Вѣдомости. № 38 стр. 180).

О золотыхъ розсыпяхъ и рудныхъ мѣсторожденіяхъ въ киргизской степи. (№ 52. Марта 7, стр. 336 Академич. Вѣдом.).

Письмо о Барабинской степи. (Академ. Вѣдом. № 71. Апр. 3, стр. 117).

Письмо изъ Барнаула о народо-врачебныхъ средствахъ (Академ. Вѣд. №. 175, Августа 2, стр. 247).

О механикѣ Пощунавѣ. (Промыш. Вѣстникъ № 1).

О древнихъ каменныхъ статуяхъ въ Строгоновскомъ саду и Коломягахъ. (Археолог. Вѣстн.).

1859 г.

Письмо изъ Барнаула о пожарахъ въ Локтевскомъ заводѣ и Салаирѣ. (Академ. Вѣдом. № 33, Февраля 11).

Опыты грамматики Русскаго языка (Марта 3).

1867 г.

О сельдяхъ въ Телецкомъ озерѣ. (Томскія Губерн. Вѣдом. № 44).

О минеральныхъ ключахъ въ дерев. Новой Бѣлокурихѣ. (Том. губерн. Вѣдом.).

О томъ же въ Извѣстіяхъ Имп. Географ. Общ. кн. № 6).

1869 г.

О караванѣ, отправленномъ въ Пекинъ въ 1735 г. съ мягкою рухлядью. (№ 21—23. Томск Губерн. Вѣдом.).

Байкальскій воскъ. (Томск. Губерн. Вѣдом. № 23).

Алтайскій кырлыкъ. (Том Губерн. Вѣдом. № 23).

1870 г.

О фламингахъ на Алтаѣ. (Томск. Губерн. Вѣд.).

О собранныхъ Сенатскимъ Секретаремъ Соболевымъ матерьялахъ о войнѣ съ Турками, кончившейся Кучукъ-Кайнарджинскимъ миромъ. (Русс. Архивъ).

1871 г.

О горномъ маслѣ въ Енисейской губ. (Изв. Геогр. Общ. № 8).

О торговыхъ сношеніяхъ съ Чжунгаріей въ прежнее время и съ Западной Монголіей въ настоящее время.

1873 г.

О мамонтѣ близь Тазовской губы. (Томск. Губ. Вѣд.).

О серебряныхъ пріискахъ въ Охотскомъ краѣ. (Голосъ).

О каменномъ маслѣ (Въ Русскомъ Мірѣ).

О чеснокѣ-лукѣ. (Вѣстникъ Имп. Рус. Общ. Садоводства № 11).

1874 г.

О растеніи каара. (Вѣстникъ Имп. Рус. Общ. Садоводства № 1).

Соляное озеро Карабашъ. (Извѣс. Имп. Рус. Геогр. Общ. т. VII № 4).

Длинношерстныя овцы на Алтаѣ. (Томскія Губерн. Вѣдом).

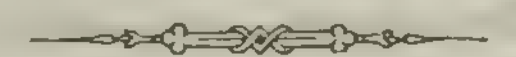
1876 г.

Проэктъ Капцевича объ учрежденіи центральнаго высшаго училища въ Сибири. (Акмолинскія Вѣдомости № 1)

1884 г.

Къ исторіи сибирскаго раскола. (Л—въ) (въ Восточ. Обозрѣніи № 16).

Разсказъ барнаульскаго мѣщанина Нагибина объ охотѣ на медвѣдя. (Природа и Охота, Апрѣль).

СПИСОКЪ
РУКОПИСЕЙ И КНИГЪ, ПОЖЕРТВОВАННЫХЪ
С. И. ГУЛЯЕВЫМЪ
ВЪ
ИМПЕРАТОРСКУЮ ПУБЛИЧНУЮ БИБЛІОТЕКУ.

Въ 1860 году.

1 и 2) Два рукописные, на латинскомъ языкѣ, учебника, по которымъ за сто лѣтъ назадъ преподавались въ семинаріяхъ Риторика и Піитика. Второй экземпляръ заключаетъ полное руководство къ Піитикѣ, составленное подъ наблюденіемъ Тобольскаго митрополита Павла въ 1761 году. Въ концѣ ея находятся три отдѣльныя сочиненія: 1) Слово, говоренное въ день Благовѣщенія. 2) Три „Риѳма", изъ коихъ первый и третій состоятъ изъ акростиховъ на слова „Благочестивѣйшая, Самодержавнѣйшая, природная Государыня Императрица Елизавета Петровна, здравствуй на многія лѣта. Природной своей Государынѣ Елизаветѣ Петровнѣ, Ея Императорскому Величеству многая лѣта" и 3) Журналъ или описаніе лѣтъ и преславныхъ, высокоторжественныхъ побѣдъ блаженныя памяти Петра Великаго, Отца Отечества, перваго Императора Всероссійскаго.

3) Издававшійся въ Москвѣ въ 1763 году журналъ „Невинное упражненіе" съ Января по Іюль этого года.

4) Три письма раскольничьихъ наставниковъ къ благотворителямъ, какимъ-то Аннѣ Дмитріевнѣ Ощепковой и Михайлу Саватіевичу Буторову.

5) Копія съ двухъ страницъ изъ сочиненія „Козьмы Индикоплова." Это, замѣчательное по содержанію, сочиненіе принадлежитъ александрійскому купцу „Козьмѣ Индикоплову", жившему въ VI вѣкѣ. Авторъ, опровергая теорію древнихъ о строеніи міра, сообщаетъ, между прочимъ, географическія и другія, весьма любопытныя для науки, свѣдѣнія о странахъ, имъ посѣщенныхъ по торговымъ дѣламъ. Неизвѣстно, къ какому времени относится

русскій переводъ, но видно по двумъ, сдѣланнымъ на поляхъ, замѣткамъ, что авторъ имѣлъ подъ рукой два другіе перевода. По письму эта книга принадлежитъ къ XIV-XV вѣкамъ; по крайней мѣрѣ никакъ не позже XV вѣка.

6) Географія Генеральная, напечатанная въ Москвѣ, повелѣніемъ Царскаго Пресвѣтлаго Величества, лѣта Господня 1718, въ Іунѣ.

7) Монархія Турецкая, описанная чрезъ Ракотта, Англинскаго секретаря посольства при Оттоманской Портѣ, переведена съ Польскаго на Россійскій языкъ. Въ Санктпетербургѣ, 1741 г. (печатное изданіе).

8) Рукопись 1720 года на берестѣ о сборѣ ясака съ инородцевъ Якутскаго края.

9) Описаніе коронаціи Ея Величества Імператріцы и Самодержицы Всероссійской Анны Іоанновны, торжественно отправленной въ царствующемъ градѣ Москвѣ, 28 Апрѣля, 1730 году. (печатное изданіе).

Въ 1869 году.

РУКОПИСИ:

10) „Златоустъ", заключающая поученія Іоанна Златоуста и др. Св. отцевъ на воскресные и праздничные дни. Изъ отмѣтки же, сдѣланной внизу страницъ, видно, что книга эта была приложена Сибирскимъ и Тобольскимъ архіепископомъ Нектаріемъ къ Троицкой церкви, въ Тавдійской слободѣ.

11) „Лѣтопись Келейная" митрополита Ростовскаго и Ярославскаго Димитрія.

12) „Вопросы и отвѣты Іоанна Каріофила". „О началѣ и продолженіи раздора между греками и римлянами объ исхожденіи св. Духа; сочинено въ 1714 году;" увѣщаніе раскольникамъ 1766 г. и священная Исторія.

13) „Книга, нарицаемая рѣчи отъ Евангелія и отъ св. Отцовъ и отъ различныхъ мужей повѣсти".

14) „Вопросы и отвѣты о вѣрѣ".

15) „Знаменія пришествія антихристова".

16) „Церемоніалъ погребенія Петра Великаго"

17) „Рукопись, заключающая: заупокойный канонъ; слово константинопольскаго патріарха Геннадія; объ убіеніи царевича Дмитрія. Слово Іоанна Златоустаго. О пришествіи беззаконнаго

Іуды и воиновъ жидовскихъ съ оружіемъ и дреколіемъ къ потоку Кедрскому на Господа нашего Іисуса Христа и проч.

18) Стихиры на великіе праздники, съ подстрочными крюковыми нотами.

19) Философскіе вопросы и отвѣты.

20) О завоеваніи Казанскаго царства (неполная).

21) Благодарственная рѣчь Екатерины Великой, говоренная въ собраніи Казанскаго дворянства, по случаю выраженнаго Ея Величествомъ благоволенія „за набраніе ими ихъ дворянскаго корпуса“. Сочинено казанскимъ дворяниномъ въ Казани; 1774 года.

22) Повѣсть болѣзна о Египетскомъ царю Гаврилѣ и о врачѣ Жидовинѣ; о злыхъ женахъ; исторія о богатомъ купцѣ Маркѣ; о вельможѣ и работникѣ и выписки изъ Пролога.

23) Вопросы и отвѣты; краткое вѣдѣніе о народѣ Славенороссійскомъ и Московскомъ; выписано и сочинено изъ древнихъ лѣтописцевъ по 1736 годъ.

24) Сказаніе краткое, откуда народъ Россійскій принялъ Святое Крещеніе.

25) Духовные стихи.

26) Выписки изъ твореній св. Отцевъ.

27) Выписки изъ Евангелій и твореній св. Отцевъ.

28) То-же.

29) Посланіе Андрея Деонисьевича къ Ѳедосѣю Васильевичу.

30) Рисунки съ пояснительнымъ текстомъ Евангелій.

31) Выписки изъ Уставовъ о пощеніи твор. св. Отцевъ.

32) Молитвенникъ.

33) Объ открытіи мощей преподобнаго Ѳеодосія Тотемскаго.

34) Журналъ военныхъ дѣйствій 1769 годъ.

35) Указъ канцеляріи Главнаго Заводовъ Правленія Кушвинской графа Шувалова заводской конторѣ, о восшествіи на престолъ Императрицы Екатерины II.

36) Проповѣдь, говоренная епископомъ Тихономъ Воронежскимъ въ С. П. Б. Петропавловскомъ соборѣ въ 1790 году, послѣ которой онъ былъ взятъ и увезенъ въ неизвѣстное мѣсто.

ПЕЧАТНЫЯ КНИГИ:

37 и 38) Катихизисы, напечатанные въ свято-троицкой Ильинской типографіи въ Черниговѣ 1715 года. Въ одномъ полномъ экземплярѣ заключается кромѣ Катихизиса: „Апологія, въ

утоленіе печали человѣка сущаго въ бѣдѣ". „Посланіе святаго исповѣдника Христова Хризогона отъ узъ къ святой Анастасіи Фармаколитріи". „Виноградъ Христовъ, въ немъ-же лѣторосся едина отъ трехъ, сіеесть бракъ честный единъ отъ трехъ чиновъ дѣвствующихъ, вдовствующихъ и супружныхъ, въ честь Богу, въ Троицѣ святой поклоняемому, обрѣтающихся. При благословительномъ вѣнчаніи супружества вельможнаго его милости пана Іоанна.... Обѣдова Обѣдовскаго, Его Царскаго пресвѣтлаго Величества стольника и полковника Нѣжинскаго. Проповѣдью церковной почтенный въ свято-Троицкой церкви Батуринской отъ іеромонаха Стефана Яворскаго, игумена монастыря Свято-Никольскаго Пустынного Кіевскаго, року отъ брака Агнча слова Божія съ Плотію АХЧИ мѣсяца Іануарія, въ недѣлю, егда чтится Божественное Евангеліе Святаго Евангелиста Луки до главы 18. Учителю благій, что сотвору да животъ Вѣчный наслѣдую.

39) Response courte et honnete d' Auguste de Kotze, bue à un monsieur de Masson. Berlin 1802.

40) Журналъ Петра Великаго съ 1698 г. Спб. 1772.

41) Письмо Петра Великаго къ Графу Борису Петровичу Шереметьеву.

Въ 1871 году.

42) Сборникъ извѣстій о войнѣ съ французами въ 1812 г., составленный Ф. Н. Поляковымъ (рукопись).

43 Бумаги, оставшіяся послѣ завѣдыванія Елагинымъ островомъ Ф. И. Кошелева.

Въ 1872 году.

44) Сочиненіе „Козьмы Индикоплова" (смотр. № 5, рукопись)

Въ 1873 году.

45) Путешествіе въ Іерусалимъ Трифона Коробейникова (рукопись).

46) Проповѣдь іезуита Висары (рукопись).

47) Экономія человѣческой жизни или сокращеніе индѣйскаго нравоученія, сочиненное нѣкоторымъ древнимъ браминомъ (рукопись).

48) Гисторія о Палионцылѣ, царевичѣ Египетскомъ.

49) Описаніе о царствованіи во державѣ великаго государя, царя Алексѣя Михаиловича и великія государыни царицы Наталіи Кириловны и проч. (рукопись).

50) Юности честное зерцало (рукопись).

51) Повѣсть о мамаевомъ побоищѣ (рукопись).

52) Ноты старинныхъ полонесовъ, мінуетовъ и маршей (рукопись).

Въ 1874 году.

53) „Слово о силѣ примѣровъ", говоренное въ большой придворной церкви въ присутствіи ихъ Императорскихъ Высочествъ архимандритомъ Иннокентіемъ 4 Сентября 1791 года (рукопись).

54) Показаніе россійской древности изъ сочиняющейся пространной исторіи (рукопись).

55) Памятныя записки 1828 г., писанныя кѣмъ-то изъ жителей города Иркутска. Въ нихъ помѣщена проповѣдь, приписываемая П. А. Словцову, товарищу Сперанскаго (рукопись).

56) Рукопись о рожденіи антихриста и знаменіяхъ его пришествія (рукопись).

57) „Книга, глаголемая Луцидоріусъ — Ветхій Завѣтъ, въ которой предлежатъ различныя намъ учительства и что въ иныхъ имѣется сокровенно, а въ сей книгѣ положено ясно. Кто хощетъ, охотно себѣ читати, то ему всякую въ себѣ содержащую мудрость показать, гдѣ положено сокровенно, здѣсь въ краткихъ словахъ истолковано" Книга Луцидоріусъ раздѣляется на двѣ части: въ первой отвѣтами вопрошающему ученику изложены свѣдѣнія о космографіи, географіи, естественной исторіи, миѳологіи, чудесахъ природы и разныхъ физическихъ явленіяхъ; во второй о грѣхопаденіи Адама, страданіяхъ и смерти Іисуса Христа, таинствахъ и обрядахъ. Эта книга составлена подобно прежнимъ „сборникамъ", „пчеламъ или" письмовнику Курганова" (рукопись).

Въ этомъ-же году С. И. Гуляевымъ были пожертвованы въ Императорское Русское Историческое Общество слѣдующія рукописи:

1) Исторіи о сибирскомъ царствіи.

2) Отрывокъ, заключающій въ себѣ краткія свѣденія о нѣкоторыхъ событіяхъ, относящихся ко времени Самозванца и междуцарствія.

3) Копія съ письма горнаго инженера Таскина къ покойному издателю Сѣв. Пч. Булгарину, отъ 18 Марта 1855 г. о сформированіи для стрѣлковаго полка Императорской фамиліи отряда охотниковъ изъ Алтайскихъ мастеровыхъ и крестьянъ.

4) Пѣсня, написанная на этотъ случай Таскинымъ.

5) Пѣсня, сочиненная чиновникомъ Сапожниковымъ, при отправленіи второй партіи охотниковъ 23 Февраля 1855 года.

6 и 7) Двѣ рѣчи, говоренныя протоіереемъ Петромъ Васильевымъ при отправкѣ стрѣлковъ 19 и 23 Февраля 1855 г.

8) Копія съ донесенія колл. регистратора Вѣстковскаго (кажется Крымскому соляному правленію) о занятіи Евпаторіи непріятелями во время восточной войны.

